

Людмила Павловна Ермилова Деревня Чудово, или Наказание для наблюдателя

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9237441*

*Деревня Чудово или наказание для наблюдателя: Реамистика / Л. Ермилова. : Библио-глобус;
Москва; 2014
ISBN 978-5-906454-56-0*

Аннотация

Книга «Деревня Чудово или наказание для Наблюдателя» написана в жанре реамистики – сочетании вселенских тайн с бытовой реальностью.

Главный герой книги – демон Родон, живя в Нижнем Мире, имел привилегированный статус Наблюдателя и курировал на Земле жизнь людей, склонных к мистицизму. Но однажды он превысил полномочия и нарушил Кодекс Чести Демона. В наказание Верховный Совет Нижнего Мира лишает его демонической силы и отправляет на Землю в облике человека, потерявшего память.

Так из сущности, решающей судьбы людей, демон превращается в слабого беспомощного человека, ничего о себе не помнящего. На Земле он оказывается в деревне Чудово, славящейся таинственным Кружилихиным Островом, НЛО, феерическими ночными свечениями, «зелёным змеем», появляющимся в полнолуние из Бездонного Озера, и другими загадочными феноменами. В деревне находится турбаза, где поселились приехавшие из столицы туристы, у многих из которых есть своя скрытая причина побывать в Чудово. Общаясь с жителями деревни и туристами, Родон пытается вспомнить своё прошлое, осознать смысл происходящего, избавиться от страха, растерянности и полного непонимания мироустройства. Мешают или, наоборот, помогают ему это сделать окружающие его люди. Кто-то из них тоже стремится докопаться до сути бытия, а кто-то хочет достичь, по их мнению, главной цели – богатства и всемогущества.

Побывав в довольно непростых и странных ситуациях, Родон делает свой выбор.

Содержание

Начало	4
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Людмила Ермилова

Деревня Чудово или наказание для наблюдателя

Начало

Жизнь демона Родона круто изменилась в седьмую пятницу третьей четверти вселенского года, когда он получил телепатическое послание от главы Верховного Совета Нижнего Мира – Мануса. В послании говорилось о том, что в связи с превышением полномочий Наблюдателя и нарушением принципов Кодекса Чести Демона Родон лишается значительной части своих демонических способностей и для исправления негативной ситуации, вызванной искажением энергоинформационных полей, отправляется на Землю в облике человека, утратившего Личностное Сознание.

Родон был готов к чему угодно, только не к высылке из Нижнего Мира в Мир Медальный, где находилась Земля. Высылка туда, да ещё с лишением личной памяти, считалась одним из самых суровых видов наказания для демонов, курирующих земную жизнь.

– Это несправедливо! – крикнул он, пытаясь силой мысли о незаслуженном и страшном приговоре создать мощный поток энергии, который бы показал степень его возмущения и заставил бы Верховный Совет изменить решение. Но вместо крика получился какой-то высокий звук, похожий на всхлип. Ужаснувшись, Родон почувствовал, как стремительно теряет волю и энергетику демона, а это неминуемо приводило к катастрофическим изменениям сущности. Он понял и то, что решение о его дальнейшей судьбе уже внесено в Матрицу вселенского информационного поля, а значит, будет непременно выполнено. Однако демон всё же предпринял попытку вырваться из окруживших его Вибрационных потоков изменения материи, но она оказалась тщетной. Сознание Родона ограничил узкий частотный диапазон, и он больше не воспринимал Пространственно-Временной Бесконечности. Его привычный Мир схлопывался до чудовищно малого мирка, наполненного чужеродными формами и содержанием. Одновременно с изменением Сознания начался процесс обрастания человеческой плотью, принёсший ему никогда прежде не испытываемые переживания и нестерпимую боль во всём теле.

«Всё кончено», – подумал Родон с безнадёжностью, тоже ранее ему несвойственной, и погрузился в кромешную тьму беспомощности...

Часть I

Столичные туристы и деревня Чудово

Глава 1

– Куролесов! – зычным голосом объявила пожилая дородная проводница, насмешливо-изучающим взглядом приглашая Илью Клинина на выход. – Стоянка три минуты, – нетерпеливо напомнила она, взглядываясь в предрассветную пелену раннего майского утра, в которой смутно маячили перрон и неказистое здание вокзала.

Не обнаружив никого на перроне, она протяжно с удовольствием зевнула и, уже не обращая внимания на Илью, принялась сосредоточенно нажимать кнопки мобильного, но, видимо, вспомнив о чём-то важном, удовлетворённо и ехидно сообщила:

– А в Чудове-то никакая техника не работает! И чего это туда народ едет, чего ему там, посреди беспросветной глуши, делать-то?

Клинин неопределённо пожал плечами и, не имея желания отвечать за весь «народ», поспешно спустился на перрон. К тому же он и сам плохо представлял, зачем люди едут в эту глухомань, где, по имеющейся у него информации, нет самых элементарных признаков цивилизации. Правда, последнее время в прессе всё чаще стали появляться сообщения о различных паранормальных явлениях, происходящих неподалёку от Куролесова, а особенно в деревне Чудово. В связи с нарастающим ажиотажем Сагиняну – главному редактору газеты «СюрПриз», где Илья работал журналистом, тоже захотелось поучаствовать в раскрутке назревающей сенсации. Конечно, вполне могло оказаться, что сенсация эта – всего лишь очередная фикция, поэтому Сагинян не стал подставлять ведущих сотрудников газеты, а послал в командировку молодого специалиста, которому ещё ничего серьёзного не поручали, то есть Клинина.

– Не парься, – перед отъездом напутствовал его непосредственный руководитель – Никита Зуев, – даже если слухи о чудовском феномене – лажа, присмотришься к приезжающей в деревню публике. Наверняка найдёшь несколько прикольных персонажей, верящих в пришельцев, летающие тарелочки, аномальные зоны и прочую хрень. Напишешь серию репортажей о них и о современных фобиях и суевериях. Если напишешь так, что понравится главному, – твоя карьера сразу же пойдёт в гору. Давай, дерзай..., в случае чего – звони. Там, говорят, поблизости от территории деревни, телефон вроде бы работает.

– А что, на территории не работает? – удивился тогда Илья.

– Приедешь, узнаешь, – многозначительно сказал в ответ Никита и начал объяснять, как оформить командировку, мастерски пресекая все попытки Клинина получить от него какие-либо сведения о деревне Чудово.

Зуев был всего на три года старше Ильи, но уже считался правой рукой главного редактора. Он немного снисходительно относился к Илье, но держался с ним по-приятельски и часто делился новостями, доступными только узкому кругу сотрудников, поэтому Клинин немного удивился тому, что Никита придерживает информацию и чего-то не договаривает.

«Наверное, хочет, чтобы я самостоятельно во всём разобрался. Ладно, попробую, – не слишком воодушевлённо решил Клинин и для начала занялся просмотром опубликованных статей на эту тематику.

В более-менее серьёзных изданиях говорилось о необычных явлениях, издавна наблюдаемых в тех краях, и осторожно высказывались предположения о причинах, которые их могли вызывать. Откровенно «желтая» пресса красочно описывала чудовские анома-

лии: свечения непонятного происхождения, неопознанные объекты, странности Бездонного Озера и якобы встречающиеся повсюду призрачные сущности. Особое место отводилось рассуждениям о портале, ведущем в параллельные миры, который предположительно располагался на острове, образованном речкой Кружилихой. Короче, от всей этой писанины пахло авантюризмом и желанием заработать «быстрые деньги». Но всё же некоторые факты «чудовского феномена» Илью заинтересовали, и он уже не с таким скепсисом воспринимал намечавшуюся поездку....

– Ты смотри там, ухо-то остро держи, мало ли чего! – прервав воспоминания Клинина, напутственно прокричала проводница.

Илья не успел ей ответить, так как двери вагона захлопнулись и поезд тронулся, быстро набирая ход. Подхватив большую спортивную сумку и два пакета с продуктами, количество которых, наверняка, позволило бы продержаться не меньше месяца на необитаемом острове, Клинин прытко зашагал по перрону, густо усеянному окурками и прочим мелким назойливым мусором. За своей спиной он слышал голоса и шаги людей, приехавших на том же поезде, что и он.

«Отлично, я не одинок в этом царстве покоя и запустения», – с удовлетворением подумал Илья, подходя к краю платформы.

Осторожно спустившись вниз по скрипучим, сварливо откликавшимся на каждый шаг деревянным ступеням, он очутился на привокзальной площади, подсвеченной стремительно набирающим силу рассветом. Первые лучи солнца отражались расплывчатыми малиновыми бликами в окнах двухэтажных домов, обступивших небольшое пространство площади ничем не примечательной, если не считать билборд, рекламировавший салон некоей Розы, предлагавшей весь набор колдовских и магических услуг.

«Разумеется, жаль, что моя первая командировка не в Монте-Карло, но с чего-то же надо начинать», – констатировал Клинин и, пружиня адидасовскими кроссовками, направился к остановке, обозначенной покосившимся шестом с прибитой к нему табличкой, на которой с трудом можно было разобрать номера автобусов с промежуточными и конечными пунктами назначения. Илья попробовал отыскать среди них деревню Чудово, но не нашёл. Между тем к остановке подтянулись остальные пассажиры. Исподтишка наблюдая за ними, Клинин сходу придумывал незамысловатые прозвища: бизнесмен, гламурная девица, охранник, дама бальзаковского возраста, девчонка с косой, профессор, альпинисты. «Альпинистами» он назвал группу из четырёх человек – трёх бородатых мужчин и невзрачную на вид женщину – за их походную камуфляжную одежду и рюкзаки со специфическим снаряжением. Оторвавшись от созерцания зачехлённых лопаток, топориков и складных пил, он продолжил незаметно рассматривать людей, столпившихся на остановке.

«Круто. Это же Аскольд Тузин! – обрадовался Илья, узнав в высоком черноволосом человеке известного психотерапевта и экстрасенса. – Неужели и он едет в Чудово? Если так, то мне здорово фартануло. Познакомлюсь с ним, возьму интервью...».

Он уже мысленно потирал руки от возможности пообщаться с такой модной и неординарной личностью, но, по-видимому, слишком пристально посматривал на психотерапевта, и тот, в свою очередь, устремил на него глаза, вспыхнувшие обжигающим гипнотическим огнём. По лицу Клинина будто бы полоснул лазерный луч. Его голова превратилась в пустой котёл, постепенно наполнявшийся какими-то не относящимися к происходящему мыслями и картинками из прошлого, в которых Илья плохо ориентировался. Явственно он увидел лишь некоторые эпизоды из детства: пару дворовых драк, победу в городском конкурсе на лучшее сочинение, ссору родителей, перед тем как отец ушёл к другой женщине. Затем, после хаотичных фрагментов из его студенческой жизни, последовали события, произошедшие не так давно – знакомство с коллективом газеты «СюрПриз», наставления Никиты Зуева, любящего перечислять главные правила, которые необходимо усвоить журналисту:

- собираешь компромат – не светись;
- берёшь интервью – не суетись;
- пишешь на заказ – не промахнись с гонораром.

Также явственно всплыли мысли о командировке и о том, что надо будет относиться к деревенским чудесам и к людям, которые в них верят, снисходительно-иронично и в том же духе писать свои репортажи. В этот момент Тузин, похоже, потерял интерес к Илье и перевёл взгляд на «даму бальзаковского возраста» – женщину весьма симпатичную, но, сразу видно, надменную и эмансипированную.

– Не надо испытывать на мне Ваши гипнотические способности! – раздражённо фыркнула она, отворачиваясь. – Я сама эзотерик и умею ставить защитные энергетические барьеры.

– Однако мне легко удалось узнать, что Вы давно разведены, а Ваша дочь недавно вышла замуж, – тихо и подчёркнуто равнодушно проговорил Аскольд, но свой гипнотический взгляд погасил и больше никого им не сканировал.

Возникшее было замешательство прервал мощный рык мотора, скрежет шин и гудки. Это из узкой улочки на площадь выехал небольшого размера довольно маневренный автобус. Совершив крутой разворот, он остановился перед пассажирами. Из кабины вышел крепкий парень в синем комбинезоне и бейсболке с надписью: «Эх, прокачу!».

– Ну, кто тут из туристов? – крикнул он радостно. – Садитесь в салон, подвезу до Чудова. С ветерком подвезу, у нас тут пробок нет. Загружайте свою поклажу в багажник и рассаживайтесь по местам – чем быстрее сядете, тем быстрее выйдете.

Илья одним из первых уложил свои вещи в довольно вместительное для такого компактного автобуса багажное отделение и вошёл в «салон», галантно пропустив вперёд «девчонку с косой». Но та не обратила никакого внимания на его галантность и не ответила улыбкой на его улыбку, хотя Илья постарался, чтобы она была как можно обаятельней. Казалось, её вообще ничего не интересует, кроме каких-то своих потаённых мыслей.

«Конечно, я не экстрасенс, но обязательно узнаю, что её так заморачивает», – уязвлённый её невниманием подумал Клинин и не пошёл за девчонкой вглубь салона, а устроился на переднем сидении.

Наблюдая за садящимися в автобус людьми, он прикидывал, кто из них может стать героем его репортажей. Вошедшая «гламурная девица» вряд ли подходила на эту роль, хотя Илья не мог не отметить умопомрачительно короткую юбку, длинные ноги и брезгливо-презрительную гримасу, возникшую у неё на лице, когда она осматривала салон. За ней важно шествовали «бизнесмен», судя по одинаковым обручальным кольцам – муж девицы, и тяжело дышащий грузный «охранник» с постоянно меняющимся выражением лица: от услужливого до почти свирепого. Только теперь Илья заметил металлический кейс среднего размера, пристёгнутый к его руке наручниками. Пара расположилась недалеко от Клинина, но в другом ряду. «Охранник» сел позади неё, бережно уложив на сидение кейс и уставившись немигающим взглядом на коротко стриженный затылок «бизнесмена».

«Троица как будто в банк собралась, а не на отдых в деревню», – отметил про себя Илья и переключил внимание на даму, которая недавно так высокомерно одёрнула Тузина.

Она была ухожена, тщательно причёсана, на ней прекрасно сидел элегантный цвета кофе с молоком брючный костюм; шею, отсвечивая дорогими натуральными камнями, украшала ниточка бус – в общем, её присутствие было бы гораздо уместнее в каком-нибудь светском салоне, чем в салоне провинциального автобуса. Рядом с дамой, предварительно вежливо спросив разрешение, уселся «профессор» – невысокого роста пожилой мужчина в «золотых» очках с круглыми стёклами, седой густой шевелюрой и аккуратно подстриженной бородкой. Его лицо выражало сосредоточенность и серьёзность учёного, обдумываю-

щего важные государственные проблемы. Этот монументальный образ гармонично дополнял тёмный костюм и белая рубашка, ворот которой туго стягивал синий атласный галстук.

«Как-то эти господа не тянут на туристов, – скептически подумал Илья, – на любителей острых ощущений они тоже не походят. Чего их сюда занесло?»

Вот с «альпинистами» всё было понятно. Они устроились на сиденьях в конце автобуса и громко переговаривались, активно тыча пальцами в новенькую хрустящую карту, развернутую на коленях самого длиннорядого мужчины.

Занятый наблюдениями, Клинин не забывал следить и за Аскольдом, который, поговорив о чём-то с водителем, вошёл в салон последним. Окинув быстрым оценивающим взглядом свободные места, он опустил на сидение рядом с Ильёй. Тот, несмотря на неприятный осадок, оставшийся после «сканирования», воспринял это как хороший знак и, оставляя Тузину больше места на сидении, поспешно отодвинулся поближе к окну. В голове Клинина опять возникли мысли по поводу интервью и сенсационного репортажа, но он на всякий случай, памятуя о способностях Аскольда, заставил себя думать о чём-нибудь другом. Тем более что автобус двинулся с места и «с ветерком» покатил по Куролесову, который оказался не таким уж захолустным городом. По обе стороны отлично заасфальтированной дороги, между старыми и даже старинными домами были видны недавно построенные здания, разнообразных магазины, автомобильные заправочные станции и многочисленные строения с надписями «шиномонтаж». Но вскоре эти убедительные признаки цивилизации закончились. Автобус выехал на окраину с домами барачного типа, сараями, огородами и спокойно разгуливающими по улицам стайками кур и гусей. Затем всё такая же отличная дорога оказалась в окружении лесов, лиственных рощ и сосновых перелесков, перемежавшихся с давно не пахаными, заросшими сорняками полями. Пейзаж был на редкость однообразным, радовавшим глаз только свежим цветом зелени, поэтому Илья начал всматриваться в чистое, без единого облачка небо, рассчитывая обнаружить там что-либо занятное и необычное.

– Ничего себе! – воскликнул вдруг один из «альпинистов».

Клинин решил, что тот увидел аномальный объект, и тотчас сам обнаружил эту «аномалию». Впереди, в просветах небольшого перелеска, причудливым миражом возникли силуэты средневековых замков, которые при приближении к ним стали принимать реальные очертания современных особняков.

– Это наша районная и областная власть понастроила, – не оборачиваясь, пояснил водитель, – раньше здесь деревня Здоровьино располагалась. Люди там хорошо жили, а главное – долго. Вот начальство и решило, что эти места здоровья прибавляют. Деревню снесли, хоромы себе возвели, шоссе к ним вон какое клёвое подвели. Но сейчас мы эту куролесовскую Рублёвку проедем, и начнётся проверка на прочность, только держись!

Что он имел в виду, стало понятно, когда шоссе обогнуло «хоромы» и дальше автобус поехал по узкой, покрытой колдобинами вместо асфальта дороге. Затрясло так, что «охранник» чуть не грохнулся на пол, казалось, его удержала только тяжесть кейса. Илья изо всех сил старался не удариться о стекло, отделяющее кабину водителя от пассажирского салона. «Альпинисты», чертыхаясь, кляли дураков и дороги. С гламурной девицы разом слетел «глянец», и она, истерично вскрикнув, вцепилась в плечо мужа. Только Аскольд сидел как вкопанный, никак не реагируя на тряску.

«Наверное, он возвёл вокруг себя энергетический кокон и ничего не чувствует», – догадался Клинин, проникаясь уважением к психотерапевту.

Тут водитель вдруг тормознул так, что даже Тузина зашатало в его «коконе», а Илья всё-таки стукнулся лбом о стекло, хорошо, что ушибся несильно.

Шофёр, выпалив, наверное, весь свой запас ненормативной лексики, вскочил с места и ринулся к выходу, крича кому-то: «Эй, ты, совсем спятил или жить надоело?»

– Что там происходит? – недовольно поинтересовался «бизнесмен».

– Да урод какой-то на дороге стоит, – приподнимаясь и выглядывая в окно, ответил «охранник»

Водитель несколько минут надрывно кричал на стоявшего перед автобусом человека, а потом поднялся в салон и растерянно сказал:

– Этот малахольный, видно, не в себе, с дороги не уходит.

– Так сам его «уйди», – зло предложил «бизнесмен».

– Ага, я пробовал, он с места не двигается.

Шофёр показал рукой на дверь, приглашая всех желающих убедиться в правильности своих слов. Илья хотел выйти и посмотреть, что случилось, но было неловко просить Аскольда подвинуться. Однако тот сам встал и вышел на улицу, за ним последовали шофёр, Клинин и один из «альпинистов».

Незнакомец, вызвавший этот переполох, стоял прямо перед автобусом. Он был одет в чёрный длинный с широкими рукавами шелковистый плащ, который не скрывал, а подчёркивал мощь и стать его высокой фигуры. Иссиня-чёрные кудри обрамляли смуглое с правильными «античными» чертами лицо. Вот только какие-либо эмоции на этом лице напрочь отсутствовали, а в больших тёмных миндалевидных глазах застыла равнодушная отрешённость.

– Слушай ты, тормоз, – запальчиво проговорил «альпинист», – вали отсюда, иди домой, проспись. Ты где живёшь?

«Тормоз» никак не отреагировал на эти слова и даже не взглянул на «альпиниста».

– Он точно не местный, я тут всех знаю. Его раньше не видел. Может, в гости к кому приехал и заплутал в наших краях. А может, артист заезжий, приглашённый на день рождения к какой-нибудь «шишке» из «хоромов», – предположил шофёр.

– Да пьяный он или чокнутый... – раздражённо пробурчал «охранник», спускаясь со ступенек автобуса, и строго потребовал – Гражданин, предъявите документы.

Нарушитель спокойствия даже не шелохнулся. Тогда «охранник» принялся профессионально и уверенно его обыскивать, несмотря на то, что прощупывать карманы длинного чёрного плаща, рубашки и брюк пришлось одной свободной рукой.

– Ничего нет – ни денег, ни документов, – разочарованно сообщил он, обращаясь к малахольному, ещё строже сказал: «Слышь, ты, давай вали с дороги, некогда нам с тобой валандаться».

Незнакомец вроде бы немного опомнился, недоумённо огляделся вокруг, потом схватился обеими руками за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, с трудом выговорил:

– Я ничего не помню... Кто вы?

– Хватит Ваньку валять, тут не театр, – почему-то попятившись назад и пряча за спину кейс, проворчал «охранник». – Тебе русским языком говорят – вали!

Воцарилась напряжённая тишина, и Клинин, стоявший рядом с молчавшим до сей поры Аскольдом, услышал, как тот ошеломлённо прошептал: «Гомункул!»

– Что тут у вас происходит? – грозно поинтересовался «бизнесмен», который не вытерпел и тоже вышел из автобуса.

«Охранник» подобострастно зашептал ему что-то на ухо.

– Так, я не понял, – развернулся «бизнесмен» к незнакомцу, – тебе по-хорошему сказали: освободи дорогу. Или хочешь по-плохому?

– А ну, подожди! – остановил его Тузин, который, не отрываясь, пристально смотрел в глаза «гомункула». – Он поедет вместе с нами. Все расходы я беру на себя.

Видя всеобщее замешательство, Аскольд пояснил:

– Ему явно нужна помощь психотерапевта, и я как раз занимаюсь такими случаями.

– Мы отдыхать едем, а не в психдиспансер. Кто ты такой, чтобы навязывать нам всяких придурков? – возмущённо спросил «бизнесмен».

– Аскольд Тузин! – коротко ответил экстрасенс.

– А я-то гляжу: знакомое лицо, – простодушно обрадовался «альпинист».

– Мне плевать, что ты Тузин, нечего здесь свои порядки устанавливать, – уже не так уверенно и яростно проговорил «бизнесмен».

– Я сказал, он поедет со мной! – тихо, но зловеще настаивал Аскольд.

«Охранник» опять шепнул что-то на ухо шефу, и тот, недовольно поморщившись, буркнул:

– Ладно, забирай этого недоумка, но в случае чего – ответственность за него будешь нести по полной программе.

Тузин ничего не ответил и повёл своего неуверенно ступавшего по земле подопечного в автобус.

– Чёрт знает что такое! – сердито пробурчал «бизнесмен» и раздражённо приказал шофёру сбросить скорость. – Не колхозников везёшь, – поднялся в салон.

Остальные последовали за ним и молча расселись по своим места, лишь Аскольд с незнакомцем заняли свободные сиденья позади Клинина, что того очень порадовало, так как хотелось спокойно осмыслить появление незнакомца, а главное – обдумать поведение Тузина, показавшееся Илье довольно странным.

Автобус поехал не так быстро, но на ухабах трясло не меньше прежнего. Правда, пейзаж за окном стал разнообразнее, и деревушки, мимо которых проезжали «туристы», среди начинающих цвести садовых деревьев и кустов сирени выглядели весьма живописно.

– Долго ещё ехать? – уже не в первый раз капризно заканючила «гламурная девица».

И на этот раз водитель охотно откликнулся:

– Вон ту рощу проедем и остановимся.

Действительно, проехав берёзовую рощу, автобус остановился.

– Приехали! – весело сообщил шофёр, открывая дверь салона.

– Как приехали, а где же гостиница? – взвинченно спросил «бизнесмен».

– Э-э, так вам до неё ещё километра полтора пешком пройти надо. Вон вдалеке дома виднеются, это и есть Чудово. К нему я подъехать не могу. Про аномальную зону слышали? Она здесь у деревенской околицы начинается, за ней любой мотор глохнет и электроника отказывается работать. Вас же в турагентстве, наверняка, об этом предупреждали. Ради этого экстрима к нам народ и едет, – жизнерадостно заявил шофёр и пошёл открывать багажное отделение.

Приехавшие с любопытством разглядывали странноватые окрестности Чудова. Сразу же бросались в глаза деревья с густыми конусообразными кронами и затейливо изогнутыми стволами; кустарники с раскидистыми ветвями, напоминавшими струи фонтанов; огромное количество разноцветных бабочек, круживших над крупными, ярко окрашенными головками цветов. «Альпинистов» явно заинтересовало ослепительно-белое облако в виде диска, неподвижно висевшее высоко в небе, а Илью – похожие на сдвоенные ветряные мельницы сооружения, стоящие друг от друга на расстоянии примерно в пятьсот метров, и находящийся недалеко от дороги пруд грушевидной формы с берегами, густо заросшими стеблями камыша. Этот пруд привлёк внимание и остальных.

– Здесь и порыбачить можно! – довольно сказал один из альпинистов, наблюдая за двумя мужиками с удочками, чуть ли не ежеминутно снимающих с крючка приличного размера рыбин. Зрелище было весьма увлекательным и азартным, но раздавшийся за спинами туристов энергичный с хрипотцой голос заставил всех оглянуться:

– Ну что, гости дорогие, давайте знакомиться! – бодро проговорил вышедший из кустов загорелый, поджарый, немолодой мужчина с «чапаевскими» усами, который вёл под узды гнедого флегматичного мерина, впряжённого в телегу со свежескрашенными бортами. – Фамилия моя – Фишкин, зовут – Степан Васильевич. Я директор турбазы, но буду у вас и

экскурсоводом, и массовиком-затейником, а также завхозом – эту должность я считаю самой важной.

Не объясняя, почему он так считает, Фишкин погладил свои пышные, тронутые седью усы, выпустил из рук поводья и дружелюбно добавил:

– В общем, обращайтесь ко мне с любыми вопросами и проблемами. Их наверняка будет немало, но я и персонал турбазы постараемся отвечать на вопросы по возможности конкретно и обстоятельно, а проблемы решать в порядке поступления. Теперь же давайте сверимся со списком.

Степан Васильевич взял с телеги портфель, достал из него блокнот и громко прочитал:

– Кирилл Анатольевич Дыбин.

– Это я, – неохотно отозвался «бизнесмен».

– Дыбина Виктория Викторовна.

«Гламурная девица» фыркнула и демонстративно отвернулась.

Фишкин внимательно на неё посмотрел, сделал в блокноте пометку и продолжил «знакомство».

– Аскольд Михайлович Тузин.

Экстрасенс свысока глянул на завхоза, не знавшего в лицо такую знаменитость, и коротко-надменно бросил: «Я».

– Игорь Леонидович Гирин, – невозмутимо продолжил переключку Фишкин.

– Здесь, – откликнулся «охранник» по-военному.

– Илья Андреевич Клинин.

– Это я – Илья, – немного замешкавшись, отозвался Илья, засмотревшийся на медленно вращавшиеся крылья расположенной поблизости «ветряной мельницы».

Больше Клинин не отвлекался, стараясь запомнить имена и фамилии остальных «гостей». Труднее всего было с двумя «альпинистами». Клинин плохо их различал из-за одинаково заросших щетиной щёк и подбородков. Один отозвался на Александра Николаевича Кузнецова, другой – на Алексея Николаевича Молодцова. Самого длиннородного «альпиниста» звали Олег Сергеевич Жуков. Женщину – Татьяна Ивановна Азарова.

Фишкину пришлось несколько раз повторить: «Лизавета Евгеньевна Китина», – прежде чем «девчонка с косой» наконец очнулась и ответила, что это она.

Оказалось, что «профессора» звали Зиновий Яковлевич Инкин, а даму-экстрасенса – Алла Владимировна Сумец.

Завхоз «познакомился» со всеми и, оторвавшись от блокнота, недоумённо взглянул на подопечного Тузина.

– А вас, молодой человек, в списке нет.

– Он со мной, это мой пациент, ему нужна помощь. Надеюсь, вы найдете, куда его заселить, а я оплачу все расходы прямо сейчас, – тоном, не допускающим возражений, проговорил Аскольд и вынул внушительного вида кошелек.

– Позвольте, – всё же возразил Инкин, – у этого человека нет документов, да и памяти, кажется, тоже нет. Его надо немедленно отправить в больницу, а не заселять с нормальными людьми, приехавшими на отдых.

– Правильно, – горячо поддержал Зиновия Дыбин, – я тоже так считаю. Отправьте его на нашем автобусе в город, пусть с ним там разбираются.

– Я известный психотерапевт, имеющий дело с самыми сложными пациентами, – холодно сказал Тузин, глядя своим вновь зажёгшимся взглядом в глаза завхоза. – Меня очень заинтересовал этот случай, и я намерен оказать больному всю необходимую помощь. Уверю вас, он никому не доставит ни малейшего неудобства. А вас, господа, прошу не мешать благому делу.

Аскольд отвёл глаза от озадаченного непредвиденной ситуацией Степана Васильевича и пристально посмотрел на «профессора» и «бизнесмена».

У тех разом на лицах появилось равнодушное, отрешённое выражение, почти такое же, как у «гомункула». Стало понятно – мешать Тузину в его благородном порыве они не будут.

Женщины в перепалку не вступали, но сочувственные и заинтригованные взгляды, бросаемые ими на неадекватного красавца, однозначно говорили о том, что дамы не возражают против его присутствия в своём обществе.

– Ну, если остальные не против и Вы расходы оплачиваете, то, хотя это и не положено, я попробую его куда-нибудь пристроить.

Завхоз задумался, посмотрел в блокнот и оживился:

– Вот Дыбины и Гири у нас занимают весь второй этаж гостиницы, а там шесть номеров, может, уступите одну комнату.

– Это беспредел! – взревел Кирилл Анатольевич. – Я специально купил шесть путёвок на троих, чтобы на этаже больше никто не жил. Могу я отдохнуть, как мне хочется? Нечего устраивать свои дела за счёт других.

Дыбин задыхался от ярости, категорично давая понять, что он не уступит ни пяди своей гостиничной жилплощади даже психотерапевту.

– Тогда остаётся частный сектор, – завхоз вопросительно посмотрел на Аскольда, – могу заселить его в дом Рябкиных, там есть свободная комната.

– И меня вместе с ним, – по-деловому предложил Аскольд, узнав, что Рябкины сдают ещё две комнаты, – я отказываюсь от своего номера в гостинице.

Он тут же оплатил ещё одну путёвку, оформив её на своё имя, и поменялся местами проживания с Никиным, которому очень понравилось предложение без доплаты переехать из «частного сектора» в более дорогой гостиничный номер.

Степан Васильевич положил деньги в портфель, на нём же заполнил какой-то документ в виде квитанции, вручил его Тузину и предложил «туристам» уложить багаж на телегу. Когда с поклажей разобрались, Фишкин взял за поводья неспешно пощипывающего траву удороги мерина, поцокал, погладил коня по гриве, и тот, немного поупиравшись, медленно зашагал в сторону деревни. Все двинулись следом. Клинин время от времени оглядывался на Тузина, который шёл рядом с подопечным, бережно поддерживая его под локоть. Виду «гомункула» был по-прежнему отстранённо-безучастным.

Пока Илья следил за психотерапевтом, Степан Васильевич увлечённо рассказывал о местных достопримечательностях:

– Ну, пруд наш вы уже видели, он всю деревню кормит – рыбы в нём уйма, и на вкус она лучше любых осетровых! А вон там речка Кружилиха течёт вокруг острова, он – самое загадочное здесь место. Речка же интересна тем, что непонятно, откуда берёт начало и где кончается. Но о них мы после поговорим, на экскурсиях.... А сейчас обратите внимание на дом с куполом, который на берегу стоит, – это обсерватория, её наш местный изобретатель Семён Северов когда-то построил. Теперь она принадлежит его сыну. Мы его «звездочёт» зовём, к нему тоже обязательно наведаемся.

Тут внимание «туристов» привлекла шедшая им навстречу грациозная чёрная лошадь с длинной серебристой гривой и коротким хвостом, как будто выкованным из чёрного серебра.

– Это тоже наша достопримечательность, очень занятное животное. Появилось в здешних краях года три назад, никто не знает, кто её хозяин, в деревне ей кличку «Печаль» дали....

– Не слишком ли много у вас тут загадочного? Обсерватория, звездочёт, таинственный остров, речка, непонятно откуда текущая, «печальная» лошадь – неизвестно чья, – ворчливо перебил завхоза Инкин, – наверное, вы рассчитываете с помощью таких нехитрых приёмов привлечь не искушённую в научных вопросах аудиторию, готовую всё принимать на веру.

– Нам никого привлекать не надо, народу и так сюда едет больше чем достаточно, причём в основном люди далеко неглупые, – обиженно заметил Степан Васильевич, – а по поводу загадочного, так это ещё цветочки! Впереди вас много чего удивительного, науке непонятного ожидает! – вновь воодушевился Фишкин.

Клинина порадовал уверенный тон завхоза. Он и сам начинал верить, что здесь вполне можно будет «накопать» сенсационный материал, который, как обещал Никита, напечатают на пятой полосе газеты, считавшейся счастливой, непременно приносящей известность автору. Воодушевленный раскрывающимися перспективами, он для начала проверил работу мобильного – тот категорически отказывался функционировать.

«Начинается!», – с удовлетворением отметил Илья, прикидывая, какие ещё аномальные и необъяснимые события ожидают его в этих странноватых местах. Размечтавшись, он и не заметил, как они подошли к первому дому, расположенному поодаль от остальных. Опомнился он, только когда наткнулся на колючий, изучающий взгляд сгорбленной бабки, стоящей у забора и зорко следившей за процессией. Неожиданно резво бабка развернулась и, юркнув в калитку, скрылась за кустами малины.

– А это наша гордость, выдающихся способностей знахарка и ведунья – Маланья Никитична Кудесина, – вслед бабке проговорил Степан Васильевич, с некоторой ехидцей покосившись на поморщившегося Инкина.

Тот сделал вид, что не замечает иронии завхоза, а осматривает попадающиеся на пути дома. Посмотреть и правда было на что. Деревянные избы отличались друг от друга не только замысловатыми узорами резных наличников, но и разнообразием занятных флюгеров на крышах, в основном изображающих мужичков, похожих на гномов, а иногда диковинных сказочных персонажей. Но самое интересное заключалось в том, что выполнены флюгеры были с использованием шарниров, и при каждом порыве ветра фигурки будто оживали: кто-то из них приподнимал шляпу, кто-то указывал рукой вверх, кто-то прикладывал палец к губам, как бы призывая хранить сокровенную тайну....

Фишкин, усмехаясь в усы, следил за туристами, которые кроме флюгеров с изумлением разглядывали установленные в каждом дворе, посреди свежевскопанных грядок, необычные огородные чучела. Крестовиной им служили металлические шесты, головой – ведёрки, утыканые гвоздями, а туловищем – спрессованная фольга.

– А что это у вас птиц вроде бы мало, а пугала на каждом шагу? – удивился Илья.

– Так они нас не от птиц, а от молний защищают, им все разряды достаются! – как о чём-то само собой разумеющемся сказал Степан Васильевич и, взглянув на хмурого Инкина, не стал вдаваться в подробности.

Фишкин замедлил шаги, дожидаясь, когда подойдут отставшие туристы, и затем вывел группу с извилистой, заросшей травой дороги, огибающей деревенские дома, на довольно широкую и прямую улицу.

– А вот и наша главная улица, мы её «Тверской» называем, – со смущённой улыбкой сообщил завхоз, – на ней гостиница располагается.

Он вместе с туристами перешёл на другую сторону улицы и вскоре остановился у крыльца трёхэтажного бревенчатого, стилизованного под русский терем дома.

– И эта халупа – гостиница? – возмутилась Дыбина. – Кирилл, ты издеваешься? Сам говорил, что у нас vip-номера, а здесь, наверняка, горячая вода только из чайника и удобства во дворе.

– Так в турагентстве обещали хорошие условия, – стал оправдываться Дыбин, – ты сначала посмотри, что внутри, а потом верещи.

Он что-то прошептал Виктории на ухо, и Клинин разобрал заинтриговавшую его фразу: «Запомни, у нас нет выбора».

– И правда, барышня, вы сначала посмотрите, а потом уж расстраивайтесь, – попытался успокоить Викторию Степан Васильевич, – у нас в деревне с удобствами полный порядок, даже канализация есть. Горячая вода после полудня в любом количестве, и вход на ваш этаж отдельный – никто мешать не будет, – Фишкин показал рукой на второе крыльцо с лестницей, ведущей на второй этаж, – куда же лучше!

Виктория покраснела от досады, но промолчала, а завхоз, заглянув в блокнот, деловито изрёк.

– Значит, заселяемся так: Инкин и Сумец – в одноместные номера на первом этаже, Дыбины и Гирин занимают на втором этаже шесть номеров, а Китина и Азарова будут жить в двухместном номере на третьем этаже. Разместит вас и расскажет обо всём подробнее персонал гостиницы.

Улыбаясь, он указал рукой на стоявших у входа в дом женщин в одинаковых сарафанах и розовых кофтах с оборками.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – певуче проговорила одна из женщин, – заждались мы уж вас. Пройдёмте в холл, получите там ключи от номеров и можете заселяться. Если что нужно будет, обращайтесь к нам, не стесняйтесь.

– Ну, вы обустройвайтесь, а в два часа прошу всех собраться в столовой, это вон в том доме, – показал Фишкин на стоящее вплоты к гостинице одноэтажное строение, – а я пока с остальными туристами разберусь.

Степан Васильевич сначала «разобрался» с тремя «альпинистами», заселив их в избу, стоящую на противоположной стороне улицы, а потом занялся оставшимися: Клининым, Тузиным и его подопечным.

– Вас я определяю к Рябкиным – людям хорошим и имеющим дом с отличными, по нашим меркам, условиями для проживания, – пообещал Фишкин и подвёл троицу к калитке, за которой был виден утопающий в цветущих яблонях довольно большой сруб с пристроенной к нему застеклённой верандой.

Фишкин приоткрыл калитку и крикнул: «Хозяева, есть кто в доме?»

Из глубины двора тут же раздался оглушительный собачий лай, а на веранде появился худощавый крепкий мужик с простым открытым лицом и затаённой хитринкой во взгляде. Крикнув мохнатому рыжему псу: «Шарик, фу, свои!», – он заторопился к калитке.

– Принимай постояльцев, Осип Потапович, – поздоровавшись с хозяином, сказал Фишкин и представил ему Илью и Аскольда, – а это...

Степан Васильевич замешкался, и тогда Тузин уверенно произнёс:

– А это Роберт, он немного нездоров, и я буду за ним присматривать.

Осип Потапович настороженно покосился в сторону находящегося в глубокой прострации Роберта, но ничего не спросил, а радушно пригласил всех в дом. Степан Васильевич, сославшись на неотложные дела, поспешно ушёл, не забыв напомнить о том, что в два часа ждёт всех туристов в столовой.

Постояльцы вместе с Осипом, миновав двор, последовали на веранду, где было два входа в дом. Рябкин предложил гостям на время знакомства с домом оставить вещи тут, а затем пригласил войти в ближнюю дверь. За ней оказалась прихожая с застеклённой дверью, а дальше – светлая уютная комната, треть которой занимала печка с лежанкой.

В центре комнаты, за столом, покрытым кружевной скатертью, восседала хозяйка – полнолицая женщина невысокого роста, одетая в новый ситцевый халат «весёленькой» расцветки. Приветливо улыбаясь, она поднялась навстречу гостям и начала говорить, что рада их видеть, так же певуче и радушно, как недавно женщина у гостиницы. Пригласив всех за стол, Варвара Игнатьевна – так звали хозяйку – предложила гостям отведать «медово-клюквенного» кваса, приготовленного по-особому, чудовскому рецепту. Она разлила квас по стаканам и поставила их перед гостями. Илья с некоторой опаской попробовал пенящу-

юся игристую жидкость и, зажмурившись от удовольствия, залпом выпил ядрёного, сладковато-кислого напитка. Тузин тоже выпил квас с явным удовольствием. Только Роберт безучастно смотрел прямо перед собой, упершись взглядом в печку. Аскольд строго и коротко приказал ему: «Пей!» Подопечный растерянно взял стакан и, сделав глоток, надрывно закашлялся. Варвара испуганно запричитала и, сбегав на веранду, принесла холодной воды из самовара. Тузин почти силой заставил Роберта её выпить. Тот повинился, но лицо его искажилось от страдания.

– Ничего, ничего, – успокоил Рябких Аскольд, – всё нормально, Роберт просто устал, ему бы прилечь. Покажите наши номера.

Хозяева засуетились, все вновь вышли на веранду, и Осип открыл вторую дверь, за которой оказался тянущийся до окна на противоположной стене длинный узкий коридор. По одну его сторону располагались «номера» постояльцев, но Рябкин повёл гостей не к ним, а свернул в закоулок, ведущий к кирпичной пристройке, названной им «душевой комнатой». Там кроме душа, огороженного клеёнчатой занавеской, помещались ещё два умывальника, туалет, а также несколько устройств, соединённых трубами различных диаметров. Осип, насладившись изумлением Ильи и Аскольда, не спеша, обстоятельно пояснил, как с помощью механизма, состоящего из хитро соединённых труб, руля, похожего на парходный штурвал, и цилиндра с поршнем, набирать в баки на крыше воду из колодца.

– Такими установками у нас в тёплое время вся деревня пользуется, вода на солнце нагревается и по трубам течёт, вот вам и удобства не хуже городских. Это и многое другое, жить тут помогающее, когда-то наш Семён Северов изобрёл, – с гордостью сказал Осип, – а главное, он нам свет провёл. Видели, на краю деревни «мельницы» работают? Они его и вырабатывают.

– И что, у вас электричество есть? – с сомнением спросил Илья.

– Есть, – заулыбался Рябкин и дёрнул за шнур, идущий к пластине, прикрепленной на стене.

У самого потолка загорелась неярким мигающим светом большая лампочка.

– Так почему же тогда электроника не работает?

– Потому что это не совсем электричество, – замялся Рябкин.

– Унасвсёнекаку людей! – со вздохом пожаловалась Варвара Игнатъевна, но тут же спохватилась. – Замучили мы вас рассказами и показами, лучше отдохните у себя до двух часов. Кстати, вы в курсе? Обычные часы здесь сильно барахлят, а электронные вообще не ходят.

Аскольд и Клинин, как по команде, взглянули на свои часы и поняли, что они остановились приблизительно в тот момент, когда автобус подъехал к деревне.

– Не горюйте, и эта проблема у нас решена, – довольно сказал Рябкин, – сейчас покажу, каким образом.

Он привёл постояльцев в один из «номеров», в котором кроме шкафа, тумбочки, двух стульев и кровати был ещё небольшой журнальный столик. На него-то и указал хозяин, вернее, на стоящий там предмет, напоминающий песочные часы:

– Это наш «водомер времени». Он, конечно, не такой точный, как швейцарские часы, но вполне надёжный и работает без остановки ровно сутки.

Осип взял «водомер» в руки и, показывая на деления, нанесённые по диаметру стеклянной колбы, внутри которой в двух конусных сосудах, соединённых узкой горловиной, находилась мутноватая жидкость, объяснил, как определить время с точностью до минуты.

– И когда вода достигнет вот этой отметки, тогда два часа будет, – подытожил Рябкин, после того как убедился, что Илья и Аскольд поняли принцип действия «водомера». – Эти «штуковины» имеются во всех комнатах дома, и вы к ним очень скоро привыкнете. Главное, не пропускать сигнала со стороны «мельниц» и вовремя переворачивать колбу.

Осип пояснил, что ровно в полночь и в двенадцать часов дня мельницы издают специфический звук, похожий на звон колокольчиков.

– Лично я привык ночью водомер «заводить», днём за делами можно пропустить момент.

– Хватит тебе людям головы морочить, дай им отдохнуть, – одёрнула мужа Варвара и опять напевно обратилась к постояльцам.

– Пойдёмте, мы вам другие комнаты покажем, а вы уж сами разбирайтесь, кому где жить удобнее будет.

Они опять вышли в коридор и осмотрели ещё две комнаты.

Рябкины уже собрались уходить, но Варвара не выдержала и спросила:

– А что это Роберт всё молчит, может, чем недоволен?

– Он сейчас не в том состоянии, чтобы быть недовольным, – сухо ответил Аскольд, – ему нужно время, чтобы прийти в себя, поэтому убедительно прошу пока не докучать ему разговорами и расспросами. Роберт ничего и никого не помнит, но я скоро исправлю эту ситуацию.

Осип с Варварой недоумённо переглянулись, их ещё больше запутало такое туманное объяснение.

– А давайте о нём в газете напечатаем или по телевизору покажем, я могу это устроить, возможно, кто-нибудь его узнает и отзовется, – с энтузиазмом предложил Илья.

– Успеется, – всё также сухо буркнул Тузин.

– Ну, устраивайтесь, вещи переносите, а потом к нам в гости заходите, всегда рады будем, – проговорил Осип, с опаской поглядывая на пациента Аскольда и показывая Варваре глазами на выход.

Рябкины ушли. Тузин и Клинин начали выбирать комнаты. Вернее выбирал Аскольд. Он приглядел себе самый большой и с лучшей мебелью «номер», а Роберта отвёл в тот, где Осип объяснял, как обращаться с «водомером времени». Илья не возражал и занял оставшуюся угловую комнату, очень похожую на жилище Роберта – неприятное, но вполне пригодное для того, чтобы перекапаться тут три недели.

Клинин забрал свои вещи с веранды, но разбираться с ними не стал, а, взяв из пакета несколько консервных банок и батон копчёной колбасы, пошёл налаживать отношения с хозяевами. Те сначала отказывались брать «гостинцы», говоря, что Илье самому они пригодятся. Но Клинин уверил их, что бабуля снабдила его таким большим запасом продуктов, который одному не одолеть, и Рябкины с благодарностью приняли подарок. После чего сама собой потекла беседа о том, что в Чудове очень хорошо хранятся продукты, а консервы вообще не портятся; о ценах в местном магазине, о качестве продаваемых там товаров. Выслушав всё это, а также жалобы на маленькие пенсии, Клинин поинтересовался, не скучно ли в деревне без телевидения и радио. На это Рябкины как-то загадочно ответили, мол, здесь не соскучишься, к тому же они в курсе всех новостей, так как два раза в неделю почтальон приносит газеты и журналы тем, кто их выписывает. Доверительный тон беседы вскоре позволил Илье перейти к более занимательным вещам, а именно к вопросам, которых у него накопилось достаточно. Первым делом он спросил о свете, который «не совсем электричество». Рябкин почесал затылок и ответил, что их свет – дело тёмное, потому как электричество возникает вроде бы от разности потенциалов, а их свет – от разницы частоты волн на границе деревенской околицы, поэтому свои «мельницы» Степан Северов назвал волновыми.

– Как понятнее сказать, я не знаю, – признался Осип Потапович, – у нас один только «звездочёт» понимает, в чём тут дело. Он в курсе всех этих технических наворотов, а нам как-то не до того, да и образования не хватает, чтобы осмыслить разные там технические тонкости.

– Тогда расскажите об НЛЮ, говорят, они здесь часто летают, вы сами что-нибудь интересное видели?

– Да постоянно что-то летает, – уклончиво ответил Рябкин, – но кто утверждает – это НЛЮ, кто – шаровые молнии. Поди их, разбери! Да мы и внимания на них давно не обращаем. Они сами по себе, а мы – сами с усами.

– И не бойтесь?

– Всего бояться – боязни не хватит, к тому же нас от всяких там шаров и молний Гриня охраняет, видел, он рядом с нашей баней стоит?

– Неужели какое-то чучело на шесте может защитить от молний? – недоверчиво спросил Илья.

– Ещё как защищает. Вот поживёшь здесь и сам убедишься, – многозначительно произнёс Осип и сдержанно добавил, – а пока давай о чём-нибудь другом поговорим.

«Ладно, – подумал Клинин, – не буду раздражать хозяев недоверием, перейду на нейтральную тему».

Он спросил, почему деревня построена именно на этом месте, а не там, где есть электричество и нет таких ярко выраженных аномалий, влияющих на технику.

– Так когда наши прапрадеды её строили, ни об электричестве, ни о технике слухом не слыхивали, – рассмеялась Варвара, – зато овощи и фрукты тут вызревают раньше, и размерами они гораздо больше, чем в округе, опять же хранятся долго. Вот, до перестройки, у нас в совхозных теплицах чуть ли не весь год овощи выращивали. Так во всём районе им равных не было!

– Может, это от повышенной радиации? – настороженно предположил Илья.

– Нет, сюда не раз комиссии всякие приезжали – ничего опасного не обнаружили. Тут другие влияния...

– Какие?

– Разные, – в своей уклончивой манере ответил Рябкин, – нам об этом распространяться не велено. Фишкин, когда надо, сам расскажет.

Пытаясь вывести ещё что-нибудь занятное, Илья поинтересовался аномальными особенностями, которых следует остерегаться.

– Днём у нас тут спокойно, никаких особенностей, а вот по ночам приедем первое время лучше не разгуливать, – предупредила Варвара Игнатьевна, но почему не следует «разгуливать», не объяснила, тоже сославшись на Фишкина.

Тогда Илья решил задать ещё один «щекотливый» вопрос.

– А я читал в прессе, будто у вас тут привидения, домовые и другая нечисть обитает, – со смешком проговорил он, давая понять, что считает такие рассказы полной чушью.

– Привидений у нас отродясь не водилось, – категорично заявила Варвара, – а вот домовые есть, но ты их не бойся – они безвредные.

– А нечистью, наверное, эти газетчики наших деревенских духов называют, – разобиделся Осип, – так это на их совести пусть будет, не разберутся, в чём дело, а потом пишут невесть что.

Клинин не ожидал, что Рябкины так серьёзно отнесутся к такому несерьёзному вопросу и к газетчикам и, видимо, от неожиданности признался, что сам журналист.

В комнате повисла неловкая тишина, которую прервало мяуканье и шипение, раздавшееся с печной лежанки. Взору Ильи предстал казавшийся огромным из-за вздыбившейся шерсти чёрный кот с белой «бабочкой» на шее.

– Клубок, ты чего взбеленился? – прикрикнула на кота Варвара Игнатьевна. – Это наш гость, он будет тут жить.

Кот зашипел ещё громче и угрожающе выгнул спину.

– Цыц, зараза, – замахнулась на него полотенцем хозяйка, но, покосившись на Илью, добавила ласковее, – ты эдак нам всех постояльцев распугаешь, а тогда и сосисок не получишь.

Клубок коротко мяукнул, посмотрел в потолок, как бы прикидывая что-то в уме, и, успокоившись, снова улёгся на лежанку.

– Уж больно он сосиски любит, – широко улыбнулась Рябкина, – наши постояльцы его всегда ими подкармливают, чтобы задобрить.

– Хорошо, что такого зверя хоть как-то можно задобрить, – в тон Варваре проговорил Илья и полюбопытствовал, какие сосиски любит кот и где их можно купить.

– Да в нашем сельпо у Василисы, – ответил Осип, – но ты не беспокойся, мы его и так приструним.

Беседа опять потекла в благожелательном русле, и Клинин с облегчением понял, что хозяев больше не смущает присутствие представителя журналистской братии. Они даже показали ему остальные комнаты в доме, уделив особое внимание кухне, где Илья впервые в жизни увидел примус, керогаз и более современную плиту, однако тоже требующую заправки керосином. Варвара с удовольствием и со знанием дела объяснила Илье, чем примус отличается от керогаза.

– А вот и сигнал от «мельниц» пошёл! – прервал её Осип. – Значит, двенадцать часов стукнуло.

Издалека донеслись переливчатые звуки, похожие на звон множества колокольчиков.

– Ты бы пока отдохнул с дороги, а то Фишкин на собрании начнёт тягомотину разводить о правилах безопасности и распорядке дня – совсем уморишься! – уже по-свойски посоветовала Рябкина.

Илья и сам чувствовал, что следует передохнуть от переизбытка первых впечатлений, поэтому тут же отправился в свой «номер». Проходя мимо комнаты Роберта, он услышал повелительный голос Аскольда, который говорил что-то невнятное, а потом крикнул: «Спать!» Клинин вздрогнул и поспешил в свою комнату, где прилёг на скрипучую с жёстким матрасом и пуховой подушкой кровать, прислушиваясь к происходящему за стеной, но больше ничего не услышал. Тогда он принялся обдумывать полученную за утро информацию, стараясь выделить из неё более-менее правдоподобные факты, и исходя из них намечал план дальнейших действий.

Глава 2

Чем дольше Илья лежал и размышлял об услышанном и увиденном, тем беспокойнее становилось у него на душе и тем сильнее хотелось уговорить себя поднять голову с мягкой подушки и спустить ноги на пол. С трудом выполнив эти процедуры, он выпил освежающей холодной воды, которую в пузатом двухлитровом графине недавно принесла в его комнату Варвара Игнатьевна, и вышел во двор. Там, недалеко от веранды, Осип Потапович хлопотал у начищенного до блеска медного самовара с ручками в виде золотых рыбок, выпрыгивающих из немного помятых боков.

– Ты чего не отдыхаешь? Время-то ещё есть, – спросил Рябкин, подбрасывая в трубу самовара щепок.

– Уже отдохнул, – бодро ответил Илья, – хочу пока с деревней познакомиться. С чего посоветуете начать?

– Начинай с нашего сельпо – не ошибёшься, – хитро прищурился Осип, – о тамошней продавщице Василисе газетчики, ранее сюда приезжавшие, писать любили.

Клинина почему-то смутили слова Рябкина, но он не показал вида и спросил, где этот магазин находится.

– А вон в конце нашей улицы и находится, как дом из белого кирпича увидишь, так к нему и иди.

Илья вышел за калитку, постоял у неё немного, наслаждаясь деревенской тишиной, прерываемой лишь петушиной перекличкой и лаем собак. Он отметил про себя, что солнце припекает не по-весеннему жарко и облако-диск растаяло, оставив на посветлевшем от жары небе лишь тонкое расплывчатое кольцо. Однако больше в поднебесье не было ничего интересного, и Клинин огляделся по сторонам. «Тверская» хорошо просматривалась до самых крайних домов, потому что на ней не росло ни деревьев, ни кустарников. Только по обочине, разлинованной колёсами телег дороги, раскинулись заросли крапивы, одуванчиков, подорожников, осоки и другой неприхотливой растительности. Илья не торопясь зашагал по пустынной, как ему сначала показалось, улице, но у избы, находящейся сразу за гостиницей, он увидел приютившуюся у забора длинную скамейку и рядом сидевших на ней стариков и старушек. Чтя деревенские традиции, Илья вежливо поздоровался с ними, а те дружно и приветливо ответили.

До самого дома из белого кирпича с броской вывеской «Супер-маркет» он больше никого не встретил. Лишь на лужайке перед магазином паслась стая гусей, степенно щипавших сочную траву, но как только Клинин к ним приблизился, гуси возмущённо загоготали и замахали крыльями.

«Какая-то здесь живность нервная», – недовольно подумал Илья и бочком-бочком, держась поближе к стене «сельпо-супермаркета», добрался до массивной двери, потянул за её ручку и вошёл в прохладное, освещённое десятком мерцающих лампочек помещение, плотно заставленное стеллажами с аккуратно разложенным на них разнообразным товаром. В центре зала, рядом с прилавком, стояла стройная светловолосая женщина лет тридцати, одетая в строгую белоснежную блузку и прямую чёрную юбку до колен. Илья понял – это и есть Василиса.

– Вот и первый турист появился! – сказала она, как будто сама себе, и обратилась к Илье. – Пожалуйста к прилавку, посмотрите на наш ассортимент продуктов. Всё свежее, натуральное, без химических добавок и красителей. Специально к вашему заезду товар привезли, – тоном высококлассного менеджера-консультанта говорила она, одновременно кокетливо поправляя причёску в виде замысловатой ракушки.

Клинин подошёл к стеклянной витрине и в её середине обнаружил горки консервных банок, колбас, сосисок и копчёностей, а по бокам – плетеные корзины с фруктами, овощами и кондитерскими изделиями.

«Жалко, что сие деревенское изобилие не видит бабуля», – подумал Илья, вспомнив её переживания по поводу проблем с питанием на деревенской турбазе. А вслух недоверчиво спросил:

– И это всё без холодильника хранится?

– Природные свойства здешних мест позволяют храниться продуктам гораздо лучше, чем в холодильнике. Купите и убедитесь сами.

Клинин вспомнил о Клубке и попросил взвесить килограмм его любимого лакомства.

– Так Вы у Рябкиных квартируетесь, – сразу догадалась продавщица.

Она достала с витрины длинную цепочку свежайших сосисок, ловко сложила их в пакет, взвесила на допотопных весах с гирями и протянула Илье со словами:

– Это самый лучший сорт: «Куролесовские – сливочные», угостите ими Клубка и можете жить спокойно, по крайней мере, несколько дней, а потом опять приходите.

– Хорошо, – смущённо улыбнулся Илья, расплачиваясь.

Его, как ни странно, приводила в замешательство эта женщина с насмешливым, умным взглядом, которая не слишком вписывалась в интерьер сельпо, пусть даже и переименованного в «супермаркет». Было в ней что-то роковое и загадочное.

«Похоже, народ здесь не так уж прост, да и туристы не лыком шиты», – мелькнула у него не слишком оптимистичная мысль, подвергающая сомнению первоначальные задумки писать свои репортажи в иронично-снихождительном тоне.

– Ещё чего желаете? – кивнула продавщица в сторону стеллажей, заваленных пакетами с одеждой, ящиками с посудой и коробками с парфюмерией.

Илья, ради любопытства, прошёлся вдоль полок, равнодушно рассматривая, в общем-то, неприятные вещи, но тут заметил предметы, назначение которых не мог определить.

– А-а, – с лёгкой усмешкой протянула Василиса, проследив за его взглядом, – Степан Васильевич Вас ещё не инструктировал? – и, получив отрицательный ответ, сказала: – Это наш эксклюзивный товар, местные разработки, позволяющие преодолевать некоторые сложные ситуации, иногда возникающие в деревне.

Клинин взял в руки на вид самый простой предмет, состоящий из сложенных вместе тонких металлических пластинок, и вопросительно посмотрел на Василису.

– Это очень полезная вещь, называется «плазмодув». Отлично защищает от кружилихиных плазмодов.

Она неуловимым движением превратила пластины в «веер», легонько взмахнула им, и пластины изогнулись, завибрировали, зашелестели.

– С «плазмодувом» Вам никакие плазменные сущности и шары не страшны, он даже шипунов отгоняет.

Видя недоумение Ильи, Василиса всплеснула руками:

– Ах, Вы же ещё про них ничего не знаете. Но скоро узнаете, поэтому очень рекомендую – приобретайте! Вещь нужная и недорогая.

Заплатив за «веер» и вежливо поблагодарив продавщицу, Клинин поспешил к выходу, дабы Василиса не развела его ещё на какую-нибудь «нужную» вещь. В дверях он столкнулся со старухой, которую видел утром на окраине деревни.

– Что, милок, отоварился? – как-то ехидно прошамкала та и, не дожидаясь ответа, засеменяла к прилавку.

«Отоварился», – хмыкнул Илья уже на улице.

Порадовавшись, что стая гусей отошла от магазина на безопасное расстояние, он пошёл назад к дому Рябких. У гостиницы Клинин увидел резвящуюся малышню, собравшуюся, вероятно, со всей деревни, чтобы посмотреть на приезжих. Двое мальчишек постарше с криками: «Тулисты, тулисты!», катали по дороге наперегонки старые колёса от телеги, ловко подталкивая их палками.

«Да, не густо тут с развлечениями для младшего поколения», – подумал Илья, но не успел развить эту мысль, так как услышал громкие голоса, раздававшиеся из-за кустов сирени. Он сделал вид, что завязывает якобы развязавшиеся шнурки на кроссовках, а сам прислушался к разговору двух мужчин, как он понял, Фишкина и Дыбина.

– Чего-чего, а воровства у нас точно нет, – уверял Степан Васильевич, – потому что вор тут сразу же будет обнаружен.

В ответ Кирилл раздражённо потребовал гарантий и усиленной охраны для его номера.

– Усилить охрану мне нечем, – отвечал завхоз решительно, – а гарантией пусть будет моё слово и сейф в вашем номере с надёжными кодовыми замками.

Дыбин, сердито обругав чёртову деревню и бардак в ней, резко развернулся и двинулся к гостинице. Когда он поднялся на второй этаж и скрылся за дверью, Фишкин в сердцах плюнул и, что-то бормоча себе под нос, ушёл в сторону столовой.

«Наверное, Кирилл привёз нечто очень ценное в кейсе, но зачем он притащил его сюда? Может, здесь поблизости есть «поле дураков» и он хочет закопать в него золотые?», – весело рассуждал Илья, продолжая путь.

Правда, когда перед самым крыльцом дома Рябких дорогу ему преградил рычащий и оскалившийся Шарик, весёлость Ильи моментально испарилась, уступив место лихорадочному поиску выхода из неприятной ситуации. Первую пришедшую в голову мысль о том, чтобы закричать и позвать хозяев на помощь, он категорически отверг, опасаясь за свой имидж. Вторая ему понравилась больше, он решил попытаться договориться с псом, активное влияние хвоста которого давало понять, что это возможно.

– Шарик, фу! – для начала прикрикнул Илья.

Пёс ещё громче зарычал, хотя и хвостом замахал сильнее, а на его рыжей морде появилось озорное, лукавое выражение.

Клинин полез в пакет. Пёс замер. Илья очистил от прозрачной оболочки сосиску и кинул её прямо в пасть Шарику. Тот мигом проглотил вкусно пахнущее лакомство и настырным взглядом потребовал ещё. Слопав приблизительно полкило, пёс азартно уставился на пакет, давая понять, что не успокоится, пока не съест всё его содержимое.

– А как же Клубок? – укоризненно спросил собаку Клинин. – Ему же ничего не достанется.

Говоря это, Илья, конечно же, совершенно не рассчитывал на ту реакцию, которая последовала. Шарик явно смутился, перестал рычать, виновато опустил голову и поплёлся к будке.

– Отпад! – только и мог сказать Клинин, подымаясь на крыльцо веранды.

Вручая оставшиеся сосиски Варваре Игнатьевне, он со смехом рассказал о поведении Шарика, смутившегося и переставшего требовать еду при упоминании имени кота. Но Рябких ничуть не удивил его рассказ.

– Эта парочка у нас – друзья-не разлей вода, иногда сядут друг против друга и будто разговаривают по душам. Только один тявкает, а другой мяукает, – сообщил, посмеиваясь, Осип Потапович.

Варвара же посоветовала Илье самому накрошить сосиску в блюдце и позвала Клубка. Отозвавшись негромким настороженным мяуканьем, тот степенно спустился с печки, потёрся о ноги хозяйки, изучающе посматривая на Клинина, принялся, а затем, довольно урча, съел всё до крошечки.

– Признал тебя за своего, – одобрительно заметил Осип, – теперь даже можешь его иногда погладить, хотя он не слишком любит кошачьи нежности.

– Илюш, тебе ещё до собрания больше получаса осталось, давай с нами чайку попей, – предложила Варвара и добавила, понизив голос, – наверно, надо и Аскольда с Робертом пригласить. Пойди, кликни их, а я пока стол на веранде накрою.

Илья чуть ли не на цыпочках подошёл к двери комнаты Роберта, за которой раздавался властный голос Тузина, и прислушался, но почему-то не смог разобрать ни единого слова. . . .

Аскольд склонился к лицу того, кого послала ему сама судьба и кого он назвал Робертом, потому что именно так мечтал назвать гомункула, которого давно хотел создать.

«Подарок судьбы» как будто в забытии откинулся на спинку стула, но Тузин знал, что тот всё слышит.

– Как тебя зовут? – строго спросил он.

– Не помню.

– Кто ты?

– Не знаю, – монотонно отвечал «Роберт».

– Что умеешь делать?

«Подарок» молчал, мучительно вспоминая что-то, но, так и не вспомнив, опять сказал: «Не знаю».

– Хорошо, – удовлетворённо произнёс Аскольд, – значит, теперь ты будешь моим пациентом и станешь выполнять любые мои указания! Итак, первое. Запомни, тебя зовут Роберт. Ты приехал из большого города, название которого забыл. На станции на тебя напали несколько мужчин, ударили по голове и обокрали. Повтори!

– Меня зовут Роберт, я приехал из большого города. . . ., – как сомнамбула, повторил «подарок» всё, что велел Аскольд.

– Правильно! – кивнул Тузин. – Ты станешь так отвечать всем, кто спросит. А теперь повторяй за мной:

– Я буду всегда слушаться тебя, Аскольд, беспрекословно выполнять все твои требования, чего бы это мне ни стоило.

– Я буду. . . . – начал Роберт, но в это время Илья, отчаявшись что-либо услышать, постучал в дверь и пригласил их на чаепитие.

– Сейчас идём, – еле сдерживая досаду, сказал Тузин, недовольно наблюдая, как новоиспечённый Роберт без его приказа выходит из гипнотического состояния, изумлённо оглядываясь по сторонам.

Тузин дождался, когда Илья уйдёт, и хмуро спросил:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Роберт.

– Ты будешь делать так, как я велю?

– Буду, – покорно ответил «пациент».

– Иди за мной, – приказал Аскольд и, не оглядываясь, вышел.

Роберт, пошатываясь и держась рукой за стенку, пошёл за ним.

На веранде уже всё было готово для чаепития – самовар пыхтел и дышал жаром, заварной чайник стоял посередине стола, рядом разместились баночки с вареньем, вазочка с конфетами «Коровка» и тарелка с баранками. Илья сел по правую руку от Варвары Игнатьевны, а Тузин и Роберт устроились напротив вместе с Осипом Потаповичем.

– А я никогда не пил чай из настоящего самовара, – сообщил Клинин, с любопытством рассматривая деревенский раритет.

– Вот сейчас и попробуешь, сразу разницу почувствуешь! – довольно сказала Рябина, – Водичка у нас вкусная, не то, что в городе, и заварка из травы, которая только здесь растёт. Мы её красной кислицей называем.

Она разлила заварку по чашкам, а затем разбавила её брызгающимся кипятком из самовара.

– Чтобы не обжечься, чай в блюдца наливайте, – посоветовал Осип, – из блюдца-то вкуснее.

Рябкин откусил половинку конфеты, поднёс дымящееся паром блюдце ко рту и сделал смачный булькающий глоток. Потом он взял баранку, с хрустом разжевал и опять отхлебнул чая. Лицо его выражало состояние полного блаженства. Чтобы сделать приятное хозяевам, Илья тоже стал пить горячий с кисловато-терпким привкусом напиток из блюдца. Тузин не последовал их примеру, но баранки с конфетами попробовал. Роберт автоматически повторил все его движения.

– Ну, как? – поинтересовался Рябкин.

– Здорово! – искренне восхитился Илья. – А эта ваша «кислица» какими-нибудь целебными свойствами обладает?

– У нас вся трава целебная, поэтому и живём так долго и боеем мало, – степенно ответил Осип Потапович, – мне вот скоро семьдесят будет, а я этих лет совсем не чувствую! – похвастался он и, лукаво взглянув на жену, заявил: – Поэтому и Варвара до сих пор меня ревнует, постояльцев женского пола не хочет брать, боится, как бы меня не увели».

– Тоже мне, сокровище какое нашлось! – возмутилась Рябкина. – Ничего я не боюсь – просто с мужиками хлопот и дрызг меньше.

– Ладно, ладно, пошутил я, – примирительно изрёк Осип и, посерьезнев, пояснил, – мы, после того как наш сын с семьёй в город перебрался, уже восемь лет комнаты постояльцам сдаём и ему помогаем деньгами. Здесь-то работы уже давно нет, вот люди и уезжают.

– Зато для отдыха и восстановления здоровья у нас все условия имеются! – перебила мужа Варвара Игнатьевна, – многие, кто в этих местах побывал, потом снова возвращаются. Сколько людей тут вылечилось! Да и мы, местные, практически не боеем. Вон наша знахарка – бабка Маланья, уже столетний рубеж перевалила. А разве по ней скажешь?

– Это горбатая такая, что на краю деревни живёт? – небрежно спросил Клинин.

Варвара неодобрительно посмотрела на него, и Клинин, не поняв причину её недовольствия, на всякий случай сменил тему разговора.

– Аскольд Михайлович, а Вам что-нибудь удалось узнать? – указал он глазами на сосредоточенно жующего Роберта.

– Да, – утвердительно кивнул Тузин, – кое-что удалось, сейчас продемонстрирую.

Повернувшись к подопечному, он твёрдо произнёс: «Расскажи, кто ты и что с тобой произошло». Роберт монотонно поведал о том, как его зовут, о большом городе, названия которого не помнит, об избиении, о потере памяти.

– Интересно! Как Вам это удалось у него узнать? – не унимался Илья.

– Это может понять только профессионал.

– Вот бедолага-то, небось, его родня ищет, волнуется. Поскорее бы он остальное вспомнил, – сочувственно проговорила Рябкина.

– Вспомнит, – пообещал Аскольд уверенно.

– Ты бы плащ снял, – неожиданно обратилась Варвара к Роберту, – а то чаёк – огненный, совсем запаришься.

– Сними плащ, – властно сказал Тузин, мельком взглянув на Роберта.

Тот послушно развязал шелковистые верёвки, заменяющие пуговицы, снял плащ и вопросительно посмотрел на Аскольда, не зная, что делать дальше.

– Повесь на спинку стула, – приказал Тузин, и Роберт неуклюже примостил плащ на спинку своего стула.

Варвара, с любопытством рассматривая необычную одежду Роберта, сказала:

– Какая у него рубашка нарядная, и туфли лаковые! Он их тут враз замызгает. Надо бы ему попроще вещей подкупить. Жалко, у нас в семье ничего подходящего не сыщется – сильно мало ему будет.

– А можно прямо сейчас, до собрания, в магазин зайти и купить что-нибудь, – предложил Клинин, – я видел, там есть большие размеры.

Тузин задумался и обратился к Рябкиной:

– Если не трудно, Варвара Игнатьевна, сходите вместе с Робертом и Ильёй в магазин, подберите ему подходящую одежду, обувь, бритвенный станок, а то мне надо срочно позвонить. Говорят, за околицей это можно сделать.

Варвара охотно объяснила, где лучше всего работает телефонная связь, и также охотно согласилась прикупить для Роберта всё необходимое. Тузин вручил ей пару тысячных купюр, поблагодарил за чай и, велев Роберту слушаться Ильёю до тех пор, пока сам не вернётся, ушёл. Клинин вместе с Рябкиной и Робертом отправился в «сельпо». Вначале ему было как-то не по себе от роли опекуна неадекватного человека, но тот послушно выполнял всё, что от него требовал Илья: шёл вперёд, сворачивал в нужную сторону, смотрел себе под ноги, чтобы не споткнуться. И Клинин вскоре освоился, успокоился и даже стал находить данную ситуацию забавной, прикидывая, не написать ли о ней в первом репортаже. Огорчало лишь то, что Роберт проигнорировал его просьбу отвечать на приветствия встречаемых по дороге жителей деревни. Варваре это тоже не понравилось, и она проговорила поучительным тоном:

– Ты отвечай людям-то, говори – «здравствуйте».

– Я их не помню, – равнодушно отреагировал Роберт.

– И что? – даже остановилась от удивления Рябкина. – Они, здороваясь, тебе уважение оказывают, и ты им тем же отвечай, у нас здесь так принято. Это в городе никому ни до кого дела нет, а здесь все друг другу как родные.

Варвара хотела ещё что-то объяснить постояльцу, но, видя его безразличие, безнадежно махнула рукой и замолчала. Где ей было знать, что «Роберт» в первый раз с того момента, когда обнаружил себя стоящим на дороге перед автобусом, задумался и попытался понять, о чём говорит эта женщина. Он откуда-то знал значения всех слов, но с трудом осознавал их смысл. Он понимал, что такое родня, но не мог понять, почему должен считать родственниками незнакомых людей. Тут же возникли мысли о том: есть ли у него настоящие родственники, кто он, откуда и чего от него хотят эти незнакомые люди? То есть в его голове были одни вопросы и ни одного ответа на них. К тому же не проходило неприятное чувство бессилия и беспомощности. Вдруг он вспомнил человека, назвавшегося Аскольдом Тузиным, который требовал от него беспрекословного подчинения и каким-то образом погружал в состояние расслабляющей одури и забытья, где не надо было думать и искать ответов, а надо подчиняться чужой воле....

– Поднимайся по ступенькам, открывай дверь, входи, – услышал он слова того, кого велел слушаться Тузин, и вошёл в магазин.

За ним последовали Варвара с Ильёй. Среди нагромождения вещей Роберт не сразу заметил женщину, а когда заметил, то уже не мог отвести от неё глаз, чувствуя необъяснимую тягу к ней и понимая, что это – родственная душа.

– Здравствуйте, – сказал он и подошёл к продавщице, ожидая, что и она признает его за своего.

Но при виде Роберта в глазах красавицы лишь на миг зажглось любопытство и тут же погасло. Она вопросительно посмотрела на Варвару Игнатьевну.

– Вот новый наш постоялец, не подыщешь ли ему что-нибудь подходящее из одежды, а то его давеча на вокзале обокрали, – сказала Рябкина, почему-то неодобрительно глядя на расплывшуюся в профессиональной улыбке Василису.

– У Вас размер где-то 56? – спросила продавщица, более внимательно посмотрев на Роберта.

Тот смущённо молчал.

– Да не знает он, не помнит ничего! Видно, по голове сильно треснули, прежде чем ограбить, – пояснила Рябкина. – Ты уж сама подбери ему пару рубашек, спортивный костюм, джинсы и обувь летнюю, у тебя глаз-то намётанный.

– Такому высокому мужчине подобрать это всё будет нелегко, но я попробую, – кокетливо сказала Василиса, направляясь к полкам с одеждой.

Роберт смотрел на нее, и одолевавшая его сонная одурь понемногу отступала, он даже заинтересовался висящей на стене картой мира. Очертания континентов вызвали у него странные эмоции, он попробовал в них разобраться, но продавщица начала показывать выбранные вещи, и его внимание вновь переключилось на неё.

– Посмотрите вот это, – протянула она Роберту одежду и коробки с обувью, – примерочная за прилавком.

– Ты с ним иди, – обратилась Варвара к Илье, – проследи, чтобы всё подошло.

Клинин неохотно последовал к примерочной, которая находилась в дальнем углу магазина. Илью удивили установленное там огромное, от пола до потолка, зеркало и шикарная темно-синяя занавеска, усыпанная серебряными звёздами. Вернее, его удивили не они, а отражение в зеркале пациента Аскольда. Оно было каким-то расплывчатым, дрожащим и словно парило на фоне звёздного фона.

«Померещится же такая лажа, – изумился Клинин и, велев Роберту позвать его, когда тот переоденется, вышел из примерочной.

Роберт же, оказавшись один в малом пространстве, ограниченном огромным зеркалом, тоже удивился своему отражению в нём, но ещё больше тому, что откуда-то знает, как раздеваться, примерять одежду, выбирать из неё нужную. В то же время он постоянно думал о продавщице, пытался понять и не понимал, почему его тревожили взгляды Василисы, хотя её энергетика не была враждебной и не подавляла волю, как энергетика Тузина.

Несмотря на состояние потерянности, тревоги и непонимания происходящего, он «на автомате» померил рубашки, джинсы, спортивный костюм, обувь. Из обуви ему подошли лишь коричневые сандалии из кожзаменителя и резиновые шлёпанцы. Зато одежда была в самый раз. Правда, чувствовал он себя в ней скованно и неловко, но эти чувства были гораздо слабее его внутренних переживаний...

Роберт откинул занавеску перед Ильёй, который, покосившись на зеркало и не увидев в нём ничего странного, почему-то несказанно обрадовался этому обстоятельству. Он деловито попросил «гомункула» повернуться кругом, остался доволен его новым прикидом и повёл на «показ» к женщинам.

– Отлично сидит, как на Вас пошито! – довольно засвидетельствовала Василиса, разглаживая небольшую складочку на рубашке около ворота. Эти вещи из-за большого размера долго невостребованными у нас в магазине лежали и, наконец, пригодились.

Поглаживающая рука Василисы неожиданно вызвала в Роберте приятные, щекочущие ощущения. Обнаружилось, что чужая, инородная, как ему до сих пор казалось, телесная оболочка могла приносить удовольствие и сладостное волнение. Он понял, что этот враждебный, непонятный мир, от которого он ждал только подвоха и неприятностей, имеет и свои положительные стороны.

Роберт благодарно посмотрел на продавщицу, а та в ответ окинула его загадочным взглядом роковой женщины.

– Всё подошло, вот и хорошо, – сурово проговорила Рябкина, явно осуждая кокетство Василисы, – ты ему ещё носки и бельё подбери, да посчитай, сколько с нас.

Продавщица, умопомрачительно покачивая бёдрами, прошла по рядам с полками, отбирая нужные вещи, а потом застучала костяшками на счётах и назвала сумму большую, чем Тузин предполагал потратить на Роберта. Илья, под одобрительные взгляды женщин, добавил свои деньги. Василиса упаковала в большой целлофановый пакет вместе с новыми вещами одежду Роберта, а он остался в джинсах и клетчатой рубашке.

– Отоварились и ладно, я этот пакет домой отнесу, а вы прямо в столовую идите, – скомандовала Варвара и потянула Илью и Роберта к выходу.

Роберту вовсе не хотелось уходить от очаровавшей его женщины. Непонятно откуда взявшиеся нежные слова и фразы возникали у него в голове, и неизвестно как, но он понимал, что их нельзя было сейчас произносить вслух. Постоянно оглядываясь на Василису, Роберт поплёлся к двери, а когда ушел, продавщица подошла к окну, задумчиво посмотрела ему вслед и, как будто отгоняя от себя ненужные, неуместные мысли, излишне усердно занялась восстановлением нарушенного порядка на полках с вещами.

Столовая, куда пришли Клинин с Робертом, оказалась светлой комнатой с десятком окон. Около каждого окна располагался прямоугольный стол, окруженный четырьмя стульями с плюшевыми мягкими сидениями. На столах, покрытых шуршащими накрахмаленными скатертями, лежали самодельные карточки с фамилиями. Илья быстро нашёл свою на столе, стоявшем в правом ряду недалеко от входа. Там же лежала карточка Аскольда, на которой от руки было приписано: «Роберт». Клинин и Роберт сели на свои места и вскоре к ним присоединился несколько запыхавшийся и взволнованный Тузин. Он окинул взглядом новую одежду подопечного и довольно кивнул Илье. Тот спросил, получилось ли дозвониться. Аскольд опять кивнул и тут же стал подробно рассказывать о шумах в трубке и постоянных перебоях в связи. Илья слушал не слишком внимательно, потому что в данный момент его больше интересовала сидевшая за соседним столом вместе с Аллой Владимировной и Зиновием Лизавета, которая с распущенными светлыми волосами была похожа на хорошенькую задумчивую русалочку. Также его внимание привлекли разместившиеся за столом напротив Дыбины и сидевший вместе с ними, уже без кейса, Игорь Гирин. Теперь он держался гораздо раскованнее и откровенно рассматривал присутствующих в комнате женщин. Как ни странно, наибольшего его интереса была удостоена Татьяна. Она переделалась в светлую майку и шорты, но, на взгляд Клинина, не стала от этого привлекательней и совершенно терялась в колоритной компании «альпинистов».

Внимание Ильи также привлекли развешенные по стенам картины, по всей видимости, нарисованные профессиональным художником, которому удалось изобразить не только природу, но и нечто большее – таинственно-недоговорённое. Наверное, поэтому трудно было отвести взгляд и от идеально круглого озера, тёмная поверхность которого поглощала лучи закатного солнца, и от сказочных, наполненных призрачным свечением пейзажей, и от дремучего леса с могучими соснами, стволы которых раздваивались, переплетались и имели невероятные для деревьев формы....

Из созерцательно-романтического настроения Клинина вывели насмешливые слова Тузина:

– Ну, наконец-то наш Сусанин пожаловал.

«Сусаниным» Аскольд назвал пришедшего в столовую Степана Васильевича.

– Так, все в сборе? – деловито спросил тот, усаживаясь на свободный стул рядом с Зиновием Инкиным. – На местах нормально устроились, нареканий нет? Тогда приступим к «торжественной части».

Он разложил перед собой исписанные убористым почерком листы бумаги и, изредка заглядывая в них, вначале сообщил, что со столицей здесь можно связаться с помощью мобильного телефона на так называемом Лысом Пригорке, находящемся за прудом, правда, связь там неустойчивая, и нужно искать место, где телефон включится. Затем Фишкин

строго-настрога, по причине возможного получения «психологических травм», запретил купаться в реке и озере, а также ходить в лес, растущий за озером, и, подробно перечислив права и обязанности туристов, огласил распорядок дня, рассказал о запланированных на ближайшее время экскурсиях. Особенно много внимания завхоз уделил правилам безопасности, которые следует соблюдать в Чудове.

– Если у кого какие вопросы возникают, так спрашивайте, – вдруг прервал своё «выступление» Фишкин, строго посмотрев на неугомонных, постоянно переговаривающихся «альпинистов», – а то ведь здесь не дом отдыха, где можно расслабиться и ни о чём не думать. Тут нового человека на каждом шагу каверзы и неожиданности поджидают. Если сейчас что из вида упустите, потом можете очень об этом пожалеть.

– Уважаемый Степан Васильевич, если Вы о нас беспокоитесь, то напрасно, – примирительно произнёс Олег Жуков, старший среди шумной компании, – мы в таких глухих и диких местах побывали, что по сравнению с ними Чудово – просто курорт. И потом, это же прекрасно, когда каверзы и неожиданности. Мы за ними сюда и приехали.... А Вы нам объясняете, что после десяти часов вечера из дома лучше не выходить. Извините, но в турагентстве нам экстрим обещали, а не режимный пионерский лагерь.

Его приятели одобрительно загалдели, а тот, кого компания называла Лёхой, с вызовом сказал:

– Вы лучше расскажите подробнее о ваших аномалиях, каверзах и прочих достопримечательностях, а мы уж сами разберёмся, что с ними делать.

Фишкин неожиданно смутился, но затем твёрдо ответил:

– Вряд ли у вас получится самим во всём разобраться, до сих пор это ещё никому не удавалось, скорее всего, и вам не удастся. И обо всех здешних аномалиях сразу не расскажешь. Для начала предупрежу о лесных и домашних духах. Кому они встретятся – не пугайтесь, вреда они не приносят, если, конечно, им не вредить.

После этих слов завхоза сидевший рядом с ним Зиновий аж подпрыгнул на стуле.

– Послушайте, – возмутился он, – мы тут все образованные люди, не надо нам сказки о духах и аномальных явлениях рассказывать. Всё происходящее в природе имеет логичное научное объяснение, и я лично приехал сюда для того, чтобы это доказать.

А то некоторые мои коллеги, побывавшие здесь ранее, поддались на Ваши уловки и теперь тоже всерьёз рассуждают о домовых, инопланетянах и прочем бреде.

– Так Вы отрицаете существование иррационального? – удивилась Алла Владимировна.

– Категорически отрицаю!

– И напрасно, – высокомерно произнесла Сумец, – в мире очень много загадочного, непостижимого, странного. Впрочем, нам, женщинам, непознанное открывается гораздо легче, чем мужчинам, подверженным зашоренности и поверхностному событийному восприятию. Мне это хорошо известно, так как я возглавляю секцию в Центре духовного совершенствования «Обретение», где развиваю паранормальные способности людей.

– Вот-вот, расплодили секты и пудрите наивным людям мозги, – ещё больше разволновался Инкин.

– Это вовсе не секта, а общественная организация, объединяющая тех, кто хочет раздвинуть рамки примитивного социума. Надеюсь, Вам известно, что закончилась эра пятой, то есть мужской расы, принёсшей человечеству множество бед и несчастий, поскольку само мужское начало сопряжено с агрессией и ненавистью. Сейчас мир входит в эру шестой расы – расы женского животворящего гуманного начала, где ведущей идеей станет духовность и самоочищение. Ускорить гуманизацию общества – вот основная задача «Обретения»! – с пафосом проговорила Алла Владимировна.

– А в вашу секцию только женщины входят? – игриво поинтересовался Гирич.

– Нет, почему же? Есть и достойные мужчины. Я экстрасенс и сама произвожу отбор по цвету ауры. Её различные оттенки очень точно отражают тип человека. Я сразу вижу плохих людей.

– А среди нас такие есть? – всё так же игриво осведомился Игорь.

– Да! – жёстко и коротко ответила Сумец.

– И кто это? – немного боязливо спросил Лёха.

– Пока я не вижу смысла говорить о таких людях, скажу лишь, что некоторые из находящихся здесь мужчин, судя по цвету их ауры, вполне могли бы войти в мою группу.

Мужчины невольно замерли, желая узнать, у кого аура хорошая, а у кого нет, но Алла Владимировна загадочно замолчала.

Тогда «альпинисты», перебрасываясь шуточками, призвали Татьяну войти в Центр духовного совершенствования. Сумец презрительно посмотрела в их сторону и сказала, что над такими вещами могут шутить только люди, находящиеся в самом начале духовного развития. Компания обиженно завозражала; Инкин, пытаясь их перекричать, твердил о шарлатанах, мешающих развитию научной мысли; Алла Владимировна негодуяще отвечала и ему, и компании, а Фишкин тщетно пытался всех утихомирить. В общем, гвалт поднялся страшный, но тут Илья заметил, как Тузин насупился, сжал кулаки, и вокруг вдруг воцарилась мёртвая тишина. Казалось, даже листья на ветках деревьев за окнами перестали шелестеть.

– Что же Вы за экстрасенс, если не можете внушить другим свою волю, как же Вы работаете в своём Центре? – с прищуром глядя на Сумец, высокомерно-снисходительно проговорил Аскольд.

– Мне это не нужно, – раздражённо ответила Алла Владимировна, – и у нас в «Обретении» не воздействуют на волю, а помогают восхождению по эволюционному плану и обретению просветления и высших знаний.

– Ну, полнейший бред! – застонал Инкин.

– Совсем не бред, вернее, не совсем бред, – усмехнулся Тузин, – скорее, детский лепет.

– Если бы вы вместе с моей секцией хотя бы раз совершили астральные путешествия в высшие сферы, то заговорили по-другому, – заносчиво сказала Алла Владимировна, – мы также можем подключаться к информационным потокам, работать с астральными двойниками. Кстати, эту турбазу я увидела после того, как дала задание моему астральному двойнику найти место силы, которое подошло бы для моей энергетики, и он выбрал Чудово.

«Альпинисты» притихли и посмотрели на Сумец недоверчиво, но уважительно.

– А почему у Вас после этих астральных путешествий сильная мигрень случается? – язвительно бросил Тузин.

– Потому что я переживаю за людей, они могут сделать что-то не так..., – начала объяснять Алла Владимировна, но запнулась и недоумённо взглянула на психотерапевта.

Она ещё могла объяснить то, что Аскольд знал о её разводе с мужем своей известностью в кругах экстрасенсов, но про мигрень она не говорила никому, даже дочери.

«Вот это да!» – поразился Клинин, поняв, что Тузин не только прекратил гвалт, но и привёл в замешательство самоуверенную, надменную Аллу Владимировну.

Он внимательнее присмотрелся к психотерапевту, чтобы попробовать разобраться, как тому удаётся воздействовать на людей. Конечно, не последнюю роль тут играли гипнотические глаза Аскольда, но было и ещё что-то, ускользающее, выходящее за рамки обыденного. Хотя в его гладко зачёсанных назад чёрных волосах, тяжёлом взгляде, резких чертах лица, в общем-то, не было ничего особенного – обычная внешность руководителя среднего звена. Необычными, кроме глаз, были весьма ощутимый жар, исходящий от ладоней экстрасенса, его чрезмерно высокомерный вид и неулыбчивые губы, имевшие своеобразную способность приобретать различные оттенки в зависимости от настроения Тузина. Когда оно было нормальным, губы имели обычный цвет, когда же Аскольд злился – они бледнели, практически

сливаясь с кожей лица. Как раз сейчас губы были бледными, и Клинин, так и не уяснив, в чём причина его власти над людьми, попытался понять причину недовольства Аскольда, неожиданно заговорившего громко и властно.

– Да, нас повсюду окружают тайны и непонятные явления, которые не замечают только профаны и глупцы, достойные презрения.

При этих словах Инкин заёрзал на стуле, но под взглядом Аскольда смолчал.

– А что касается мужского начала, – Тузин вскользь взглянул на Сумец, – то оно всегда было двигателем прогресса и развития. Только мужчина может с помощью логики и глубокого ассоциативного мышления проникнуть в тайны бытия и заставить их работать на себя!

Он опять посмотрел на Аллу Владимировну, как бы проверяя впечатление, которое на неё произвёл, а затем, устремив взгляд куда-то вдаль, надменно проговорил:

– Я тоже занимаюсь с людьми, стремящимися к познанию и совершенствованию. Но делаю это серьёзно и профессионально, отбирая своих адептов не по цвету ауры, которая переменчива и необъективна, а по внутренней направленности личности. Те, кто хочет чему-то научиться у меня, прежде всего должны отречься от заблуждений и ложных моральных принципов. Они должны уяснить, что человечество живёт в неблагоприятном для гармоничного формирования души месте Вселенной, куда с трудом проникают легчайшие вибрации Абсолюта. В нашей Солнечной системе господствуют грубые, тяжёлые вибрации, поэтому Абсолют не может непосредственно проявлять здесь свою волю. Она, в основном, доходит сюда в виде физических законов. Для того чтобы воспринимать тонкие вибрации, необходимо стать человеком, полностью контролирующим свои эмоции, разум и поступки. Необходимо подняться над бытом и сосредоточиться на познании Высших сфер. Обычный человек не только не в состоянии это сделать – он даже не способен осознать своё ничтожное положение. Поэтому основная масса людей – не что иное как наделённые набором определённых инстинктов биороботы, полностью зависящие от внешних обстоятельств. Это именно их эгрегор порождает войны и агрессию, а не мужское начало! Но есть немногие, кому даётся сила противодействовать всеобщему автоматизму и непониманию смысла жизни. Они могут остановить конвейер, производящий тупую серую массу, и запустить новые механизмы развития. Они могут открыть остальным вселенские тайны, повести их за собой, научить формировать силу воли и мысли, достойные Абсолюта.

Аскольд смолк, с превосходством глядя на присутствующих, пребывавших в шоковом состоянии, кто от слов Тузина, кто от его высокомерной манеры говорить. Первым из оцепенения вышел Степан Васильевич.

– Вижу, вы народ подкованный, больше нас в странностях жизни разбирающийся, поэтому, пожалуй, я пока свой инструктаж закончу, – сказал он, торопливо складывая листки с текстом в портфель. – Лучше давайте пообедаем, а потом милости прошу на склад за туристическим инвентарём.

– Нет, подождите! – требовательно перебил завхоза Дыбин. – Вы нам тут всякой чепухи о каких-то каверзах наговорили, а о конкретных мерах безопасности и бытовых неудобствах ни слова не сказали. Мне не нравится, что Вы постоянно уходите от конкретики.

Фишкин поморщился и недовольно пробурчал:

– Кирилл Анатольевич, я уже замучился объяснять, что Вам не о чем беспокоиться. Если воров боитесь, то напрасно. Здесь такие случаи очень редки, потому как бабка Маланья вмиг определит виновного и такую хворобу на него нашлёт, что тот на четвереньках приползёт с повинной, всё украденное вернёт и чистосердечно раскается.

– Это Вы к своим бабкам обращайтесь! – взвинчено-нервно заявила Виктория, – а мы хотим, чтобы наши требования выполнялись цивилизованными методами. Мы заплатили большие деньги, и Вы просто обязаны обеспечить нашу безопасность и создать нам комфортные условия проживания.

Дыбина перечислила многочисленные претензии к бытовым условиям и персоналу, а в конце потребовала приносить еду в их номер, причём ей готовить блюда по особым рецептам, которые она даст поварам, а Кириллу и Игорю – двойные порции.

– Хорошо, хорошо, – поспешно согласился Степан Васильевич, – я учту ваши пожелания и обязательно распоряжусь....

Слова завхоза потонули в радостном ажиотаже, возникшем при появлении поварихи, везущей трёхъярусную тележку, от которой веяло головокружительными ароматами мастерски приготовленной стряпни. Женщина быстро расставила по столам хлебницы со свежесвыпеченным хлебом, пластмассовые стаканчики с салфетками и столовыми приборами, тарелки с борщом и величественно удалилась.

Клинин только сейчас понял, как проголодался, и налёг на густо приправленный сметаной борщ, одновременно с любопытством наблюдая, как Тузин учит Роберта правильно держать ложку и есть, не проливая борщ на скатерть. Краем уха Илья слушал и то, как Фишкин расхваливал местных поваров, готовящих кушанья только в русской печи, отчего они сохраняют полезные свойства и имеют отменный вкус. Довольно сообщив, что на второе у них сегодня фирменное блюдо – печёный картофель, фаршированный овощами и рыбой, а на десерт «воздушные» блинчики с вишнёвым вареньем, завхоз помог поварихе подвести очередную тележку. После того как блюда были розданы, Илья окончательно убедился, что похвалы поварам были определённно заслуженными. Казалось, что он никогда в жизни не пробовал ничего вкуснее. С аппетитом съев целую тарелку таявшего во рту картофеля, Клинин расслабленно откинулся на спинку стула и в ожидании десерта стал прислушиваться к разговорам. Однако ничего интересного не услышал, все единодушно хвалили стряпню чудовских поваров. Даже чета Дыбиных сменила гнев на милость и благосклонно восприняла предложение Фишкина о добавке.

«Разве тут сенсацию откопашешь, – с грустью подумал Илья. – Ну, электроника не работает. Ну, деревья странные, но кого этим сейчас удивишь? Похоже, и Аскольда на приличный репортаж не разведёшь. А эти его туманные рассуждения о серой массе и новых механизмах развития, думаю, Сагиняна не впечатлят. Конечно, можно было бы написать о нём, – продолжал мысленно сокрушаться Клинин, наблюдая за Робертом, который, неумело орудуя вилкой, с опаской поглядывал на еду, – но о людях, потерявших память, уже написано более чем достаточно, и вряд ли такой материал заинтересует газету».

– А почему у вас так мало народа на турбазе, а столов свободных вон сколько? – находясь под впечатлением от своих дум, огорчённо спросил он Фишкина, оказавшегося рядом.

– Во-первых, Дыбины весь второй этаж скупили, – негромко объяснил тот, – а во-вторых, скоро народу прибавится – начнут приезжать «дикари», для них наши места лучше любого заграничного курорта, не говоря уже об интересе к здешним аномалиям!

«Нет, не надо расстраиваться раньше времени, – воспрянул духом Илья, – зачем-то же сюда люди едут, надо докапываться – зачем».

Степан Васильевич, дождавшись, когда Дыбин и Гирин доедят все добавки, пригласил туристов на склад для дальнейшего инструктажа и выдачи инвентаря. Предварительно он попросил тех, кто не верит в существование духов и аномальных явлений, не отказываться от предлагаемых оберегов и вещей, а брать их хотя бы в качестве сувениров. Понятно было, что слова эти в первую очередь предназначались Инкину и Дыбину, которые, узнав, что коекакой предлагаемый «инвентарь» входит в стоимость путёвки, не стали возражать против его получения.

Склад находился в том же здании, что и столовая, только в противоположном конце – в небольшой комнате со столами и стеллажами, заваленными всякой всячиной. Первое, что бросалось в глаза, – несколько ящиков с электрическими лампочками.

– Это – стоваттные, мы их про запас закупили, так как лучше всего от здешних «мельниц» работают, – как бы между делом сообщил Фишкин и приступил к показу оплачиваемого по турбазовскому прейскуранту инвентаря.

К нему он отнёс несколько видов биноклей и подзорных труб, а также «индивидуальный инвентарь», который завхоз раздавал, предварительно объясняя его назначение. Натягиваемые на обувь так называемые «защитные галоши» с наждачной пористой подошвой предназначались для экскурсий на Кружилихин Остров. Без них, по утверждению Фишкина, обувь «сгорала в один миг». Похожие на мотоциклетные очки с дымчатыми стёклами, предохраняющие глаза от очень ярких вспышек света, Фишкин рекомендовал надевать с наступлением сумерек.

Разобравшись с «платным» инвентарём, завхоз перешёл к раздаче «бесплатного». Женщинам особенно понравились подвески с деревянными фигурками зверюшек, служащих здесь оберегами, так же как и сплетённые из разноцветных шерстяных ниток браслеты и колечки. Виктория, опять вспомнив о десяти путёвках, набрала несколько горстей таких «оберегов».

– А это вот плазмодув, – достал Фишкин из коробки точно такой же «веер», какой Клинин купил в «супермаркете», – он прекрасно отгоняет любые плазменные шары, которые водятся на Острове.

Илья, до этого забавлявшийся раздачей турбазовских «сувениров», теперь страшно разозлился, поняв, что Василиса провела его, как лоха, всучив вещь, которая, как она наверняка знала, бесплатно выдавалась на складе.

«Да тут надо не духов и плазменных шаров бояться, а деревенских ловкачей», – накручивал он себя, складывая обереги и индивидуальный инвентарь в выданную завхозом матерчатую сумку.

С трудом дождавшись, когда Фишкин раздаст всем подробную карту Куролесовского района и расскажет о предстоящей экскурсии на Кружилихин Остров, Илья, полный решимости вернуть Василисе купленный у неё «веер», поспешил в сельпо.

– Ещё что-нибудь приобрести надумали? – как ни в чём не бывало встретила его профессионально улыбающаяся продавщица.

– Нет, хочу вернуть плазмодув, мне Фишкин такой же выдал, – сказал Илья подчёркнуто сумрачно, чтобы скрыть накотившее смущение.

– Так це ж добре, – вдруг с украинским акцентом заговорила Василиса, – запас те карман не тянет! Эти ж плазмодувы вещь полезная, а теряются без конца. Туристы потом сюда приходят, чтобы купить, – а их нету. Так что оставьте себе, точно говорю, не пожалеете.

Под этим напористым говорком Клинин ещё больше смутился, хотя нашёл в себе силы отказаться от предложенных продавщицей кустарно выполненных сувениров, которыми, якобы, можно задобрить домовых и прочих духов.

– Тогда «Клубничную» карамель Тишку возьмите, он её любит, – с готовностью предложила Василиса.

Даже не выяснив, кто такой Тишок, Илья категорично замотал головой и почти бегом выскочил из магазина.

«Ну и вяпался ты, Клинин! – уже на улице, подумал он. – Нет, эти развлечения для мистиков-экстремалов и любителей деревенской мифологии явно не для меня. Пожалуй, надо отсюда сматываться, пока не поздно».

Тем не менее, представив, как неприглядно будет выглядеть его бегство в глазах Никиты и шефа, Илья решил всё же потерпеть и постараться не обращать внимания на местные причуды и нелепости, пока не напишет что-нибудь путное. Он отнёс сумку с «инвентарём» домой и пошёл за околицу, чтобы позвонить домой и в редакцию. С трудом отыскав на пригорке у пруда место, где включился мобильник, Клинин сначала дозвонился до бабули

и сообщил, что доехал и устроился отлично, красочно описал местный пейзаж и не пожалел эпитетов для похвалы поварам. Потом он набрал номер Никиты. Тот сразу же ответил и с ходу стал спрашивать, что интересного «накопал» Илья. Тот, чтобы не разочаровывать приятеля, жизнерадостным тоном поведал о Тузине, Роберте и о том, что пока ничего аномального, кроме неработающей техники и странноватой растительности, в деревне не обнаружил. Рассказал немного и о Рябкиных.

– Ну-ну, – неопределённо хмыкнул Зуев и посоветовал, – ты втирайся в доверие к хозяевам, может, о чём занятном и проговорятся, и Тузина «окучивай», мне чутьё подсказывает – он не просто так туда приехал. А главное – всё записывай, потом мне покажешь.

В трубке вдруг что-то загудело и заквакало.

– Ладно, отбой, – крикнул Никита, стараясь прорваться сквозь вопли разбушевавшихся квакуш, – жду тебя в столице с жареными и перчёными новостями!

– Тут уж не до «перца», хоть бы что-нибудь удобоваримое написать, – пробурчал Илья и перешёл границу, за которой телефон перестал подавать признаки жизни.

Над деревней снова зависло облако-диск, небо приобрело необычный сине-фиолетовый оттенок, вокруг кружился пёстрый хоровод экзотических бабочек, словно бы приглашавший присоединиться к ним и наслаждаться свободной беспечной жизнью.

– А не озаглавить ли мой первый репортаж так: «Деревня Чудово – территория реальной нереальности», – вдруг сказал вслух Клинин.

Название показалось ему достаточно интригующим, а это уже было неплохо, поэтому Клинин более уверенно и оптимистично взглянул на ситуацию, в которой оказался, и вновь обрёл надежду написать нечто такое, что удивит и заинтересует читающую публику.

Глава 3

Первый день командировки Ильи подходил к концу. После его похода за околицу ничего интересного не произошло. Удобно устроившись на своей кровати, он записал в толстый «журналистский» блокнот все, что случилось сегодня, и изучил карту района, уделив особое внимание окрестностям Чудова. Самым интересным местом здесь, безусловно, был Кружилихин Остров, подробно изображённый на карте, испещрённый смешными и курьёзными названиями холмов, полей и каких-то «колец». Странные и чудные названия имели и участки Кружилихина леса, который вплотную подходил к самому берегу реки. Сама же речка, реально, непонятно, где начиналась и заканчивалась, потому что её русло имело форму знака «бесконечность». Эта «бесконечность» образовывала два острова: один тот самый – Кружилихин, другой, находившийся рядом с деревней Здоровьино, – Остров Тишины. Недалеко от Чудова, как раз напротив середины речки, расстиралось озеро, которое называлось Бездонным. На карте, так же как и на картине в столовой, оно было идеально круглым и смолянистым.

Более-менее разобравшись с картой и устав от созерцания её забавных, а иногда озадачивающих названий, Клинин немного вздремнул, но вскоре проснулся, разбуженный голосом Аскольда. Экстрасенс в приказном порядке велел Роберту идти в столовую. Илья посмотрел на «водомер времени», показывающий семь часов, и тоже отправился на ужин, не принёсший никаких новостей, кроме вкуснейшей кулебяки и настойчивых предупреждений Фишкина спокойно относиться к живущим в домах духам, надевать защитные очки, если ночью будет слишком сильное сияние «зарниц», но не бояться их и других световых явлений, потому что они тут дело обычное и нормальное.

Посмеявшись в душе над словами Степана Васильевича, Клинин всё же последовал его совету и не стал разгуливать по ночной деревне, а, придя в свою комнату, сел на подоконник понаблюдать за деревней, погружающейся в сумерки. Здесь они наступали гораздо раньше, чем обычно, по крайней мере, небо темнело сразу же после заката солнца. Илья уже начал привыкать к своеобразному окрасу здешнего неба и частой смене его цвета. Он зафиксировал в блокноте, что утром небо было ярко-бирюзовым, днём оно стало сине-фиолетовым, а к десяти часам вечера – почти чёрным, отчего на нём просто фантастично смотрелся вымощенный мириадами звёзд Млечный Путь, который вскоре начал походить на безграничную огненную дорогу в Космос. Но ещё фантастичнее выглядели неправдоподобно яркие вспышки света у самого горизонта, время от времени озаряющие всю деревню, и разноцветные сияния загадочного происхождения. Просто оглушённый таким невероятным зрелищем, Илья замороженно наблюдал, как у него над головой, освещая сверху приглушённым неоновым светом редкие перистые облака, два плазменных шара вращаются с довольно большой скоростью навстречу друг другу по окружности, наверное, километрового диаметра, что подозрительно точно совпадало с диаметром загадочного облака-диска.

«Разве в такое без фото и видео кто-нибудь поверит?» – с сожалением подумал Клинин.

Он ещё немного постоял у окна, но, поняв, что больше не в состоянии в одиночестве наблюдать за этой разбушевавшейся фантазмагорией, прихватив свой «водомер времени», поспешил на веранду с намерением зайти в гости к Рябкиным. На веранде Илья невольно остановился, замороженно глядя на сотканную из густого тумана гигантскую пирамиду, изнутри как будто освещённую радугой. Основание пирамиды, похоже, находилось в середине Кружилихина Острова, а вершина терялась в глубинах звёздного неба. Радужный свет внутри пирамиды был настолько сильным, что пробивался сквозь матовый туман, озаряя весь Остров и половину деревни. Немного придя в себя от ещё одного чудовского феномена, Клинин осторожно постучал в дверь прихожей.

– Входите, открыто, – радушно откликнулась Варвара Игнатьевна.

Илья вошёл и облегчённо выдохнул, узрев нормальную бытовую семейную обстановку: Осип читал районную газету, а Варвара из обычных белых ниток крючком вязала нечто замысловато-кружевное. Попросив ещё раз объяснить устройство «водомера», он уселся за стол рядом с Осипом. Но до двенадцати было ещё несколько минут, и Клинин, как будто между прочим, спросил, что это за странные свечения на Острове и откуда берутся лучи и сполохи.

– Кто ж его знает, – пожал плечами Рябкин, – мы к ним привыкли и внимания не обращаем, а приезжавшие сюда учёные по-разному объясняли, в зависимости от своего воображения и степени учёности.

– Да, здесь лучами и «зарницами» никого не удивишь, – оторвавшись от вязания, вступила в разговор Варвара, – вот к змею, который из озера является, я до сих пор привыкнуть не могу! А некоторые туристы его и вовсе очень пугаются с непривычки.

– Какой же это змей? – протяжно зевнул Осип Петрович. – Так, здешнее явление природы, ничего особенного.

– А вы очки защитные надеваете, когда этот змей появляется или когда слишком ярко сверкает?

– Нет, нам такая защита ни к чему. Мы люди привычные, – сдержанно сообщил Рябкин и, прислушавшись к раздавшемуся за околицей мелодичному звону «колокольчиков», охотно показал Илье, как переворачивать колбу, чтобы вода в ней не плескалась.

– Чем аккуратней переворачиваешь, тем время точнее, – учил он, довольно наблюдая за гостем, – всё правильно сделал, молодец! А на небесные фокусы внимания не обращай, вернее, обращай – за этим ты сюда и приехал, но нервы береги и близко к сердцу ничего не принимай. Относись ко всему, будто к телевизору – мало ли чего там показывают.

– Точно, – согласилась Варвара, – и к домовым серьёзно не относись и не приваживай, а то им бы лишь болтать и баловаться.

– Вот и хорошо, интервью у них возьму! – засмеялся Илья, а про себя подумал: «Ловко эти деревенские себе рекламу делают. После таких рассказов и не захочешь, а что-нибудь померещится».

– А что? Пожалуй, с Тишком тебе интересно будет поговорить, он иногда прелюбопытно рассуждает, – сказал Осип, откладывая газету в сторону, – со Страшком же не связывайся, он надоедливый и похулиганить любит.

– Тишок у нас в доме с давних времён живёт, а Страшок в кладовке появился, когда мы стали постояльцев пускать, – пояснила Варвара Игнатьевна.

– Понятно, – изобразил на лице вымученную улыбку Илья.

И, уже уходя, на всякий случай, поинтересовался, можно ли как-нибудь избавиться от этих домовых, например, пошептать заклинание или перекреститься.

– Так они же не нечисть какая-нибудь! Чего от них избавляться? – обиделась Рябкина. – Наши прежние постояльцы, если не хотели с ними общаться, просто с головой одеялом укрывались.

– Ежели слишком докучать будут, можно ещё сказать, что Ираклию пожалуешься, они его очень уважают и побаиваются, – предложил Осип.

– А это кто?

– Узнаешь в своё время. Сейчас всё равно не поверишь.

От слов хозяев дома, так обыденно рассуждавших о дремучих фольклорных персонажах, Клинин почувствовал себя неуютно, но время было позднее и ему ничего больше не оставалось, как пожелать хозяевам спокойной ночи и отправиться в «номер», прислушиваясь к тому, что происходит у соседей. В комнате Роберта было тихо, а у Аскольда слышались некое движение.

«В случае чего психотерапевта позову – решил Илья, но тут же возмущённо подумал, – тебе самому-то не смешно?»

Он постарался отвлечься от нелепых страхов, плотно задвинул шторы на окнах, погасил свет и только успел раздеться и прилечь на кровать, как тут же погрузился в спокойный сон, сквозь который вдруг явственно услышал шаги, вернее шажки. Кто-то расхаживал по его «номеру» взад-вперёд. Клинин открыл глаза, но никого не увидел, зато заметил, что шторы на окне раздвинуты и комната наполнена тусклым серебристым светом, исходящим от почти полной луны, низко висевшей над землёй. Шаги прекратились, но на Илью постепенно накатывалось предчувствие чего-то жуткого, невероятного. Он укрылся с головой одеялом и затаил дыхание, понимая всю нелепость своего поведения. Пролежав так достаточно долго, Илья, почувствовав, что ему не хватает воздуха, откинул одеяло и тут же пожалел об этом, встретившись взглядом с мужичком, сидевшим на краешке стула и по-детски болтавшим короткими ножками в лапотках. В свете луны легко можно было разглядеть его улыбочное бородатое лицо, взлохмаченные белёдые волосы; голубые, как чистое небо, глазки, и смешной носик-пуговку. Отчётливо были видны даже крошечные цветочки на его рубашке, заправленной в тёмные шаровары. Илья неожиданно вспомнил, что изображение такого же мужичка красуется на крыше дома Рябкиных в виде флюгера, и это воспоминание почему-то немного его успокоило.

Мужичок перестал улыбаться, заговорщицки подмигнул, кашлянул в кулак и проговорил тихо, но баском:

– Ты, паря, это... не бойсь, я Тишок – домовый из рода Тихонов. Слышал про таких? Нет, наверное, так вот я познакомиться пришёл. Не возражаешь?

«Обынтернеченное» сознание Ильи, к тому же забитое всякими небылицами и нелепостями, всплывающими в мутном информационном потоке жёлтой прессы, казалось, уже было способно переварить всё что угодно, но в этом случае наотрез отказывалось принять существование мужичка-флюгера.

Клинин промышчал нечто невразумительное и судорожно натянул на голову одеяло.

– Ничего, в первый раз все пугаются, – успокаивающе проговорил Тишок, – завтра, глядишь, совсем иное дело будет. Ты спи, а я пойду с другими постояльцами знакомиться.

В комнате больше не было слышно ни звука, но Илья долго тревожно и беспокойно прислушивался к тишине, невольно вздрагивая от петушиных криков и торжествующего карканья ворон, оповещавших о наступлении утра. Только когда из щёлки между одеялом и подушкой брызнул солнечный свет, он сбросил одеяло и, перед тем как крепко, без сновидений, заснуть, успел подумать: «Интересно, как эта ночь прошла у Аскольда – видел ли он домового, и впечатлила ли его световая феерия?»

А Тузин совершенно не обращал внимания на световое шоу за окном. В двенадцать ночи он перевернул «водомер времени» и, неслышно ступая, подошёл к двери Роберта. Приоткрыл её, посмотрел на неподвижно лежащего подопечного, сконцентрировался на извлечении информации о нём и хотя ничего из прошлой жизни Роберта не «рассмотрел», но к своей большой радости «увидел», что у того нет никаких родственников, его никто не ищет, а значит, можно было спокойно производить над ним любые опыты и эксперименты. Довольный, Аскольд вернулся к себе, повесил в шкаф аккуратно выглаженные Варварой, конечно же, за отдельную плату, костюмы и рубашки, вынул пижаму из чемодана и увидел на самом его дне стальной сосуд с крышкой и фотографию книги, из-за которой и приехал в эту глухомань. Уже в который раз Тузин разглядывал этот снимок, а горло всё равно перехватывало от волнения и восторга. Он очень давно мечтал стать обладателем книги, запечатлённой на снимке, и вот благодаря удивительным обстоятельствам, при которых Аскольд познакомился с не менее удивительной личностью – Устином Лаврентьевичем Упыриным, его мечта могла стать реальностью. Вообще-то обстоятельства их знакомства были довольно

обычными: Устин после одного из выступлений психотерапевта оказался в толпе желающих лично с ним поговорить. Тузин не любил такого рода общение и попытался скрыться за спинами охранников. Это ему удалось, но Упырин каким-то образом снова очутился у него на пути и, прежде чем Аскольд возмутился, быстро произнёс:

– Я знаю, Вы хотели приобрести данный фолиант, – он протянул фотографию переплета, на котором по латыни было написано название: «ТРАКТАТ О СПОСОБАХ ОБРЕТЕНИЯ ВЛАСТИ НАД СТИХИЯМИ И ДЕМОНАМИ».

Под надписью был изображён сложный иероглиф, который Аскольд не спутал бы ни с одним символом или знаком, потому что он обозначал Всемогущество – самое заветное желание Тузина.

Аскольда поначалу оттолкнул и насторожил этот человек, какой-то скользкий, пронзительный, с бегущим взглядом маленьких недобрых глаз, а главное, источающий неприятную, непривычную энергетику, мешавшую узнать что-либо о её обладателе. Тем не менее, увидев название фолианта, Тузин моментально откинул возникшую в первые мгновения неприязнь. Ожидая разъяснений, он благосклонно посмотрел на собеседника, невозмутимо проговорившего:

– У меня есть эта книга, и, если она всё ещё Вас интересует, я могу её Вам подарить.

Мало сказать, что Аскольда интересовала книга на фотографии: он её жаждал, искал по всему миру, она была его наваждением и самой заветной мечтой! Но, подчиняясь данному когда-то самому себе приказу, ни при каких обстоятельствах не показывая истинных чувств, он холодно сказал:

– Действительно, я хотел приобрести этот фолиант, только, по моей информации, он исчез в начале девятнадцатого века, и с тех пор его никто не видел.

– Повторяю, я им владею, свидетельством чему служит данная фотография, сделанная буквально на днях, и при определённых условиях готов отдать его вам.

– При каких условиях? – насторожился Тузин.

– Думаю, сейчас не место и не время их обсуждать. Давайте встретимся завтра. Приходите ко мне на работу. Вот моя визитка. Секретаря я предупрежу.

Из визитки Аскольд узнал, что его собеседник – чиновник высокого ранга с труднопроизносимой должностью, работающий в Департаменте образования, культуры и молодёжной политики. Они договорились о времени приёма, и, пока Тузин бережно укладывал фотографию и визитку в дипломат, Устин Лаврентьевич исчез.

Отменив все дела, Аскольд приехал домой и сразу же попытался войти в состояние транса, чтобы узнать какую-нибудь информацию об Упырине, но ничего не получилось. Тогда он позвонил работавшему в одном из силовых ведомств пациенту, которому когда-то помог избавиться от тяжёлой формы депрессии, и попросил его собрать досье на Упырина. Услышав просьбу, тот долго молчал, а потом нехотя сказал, что и без досье может сообщить: Упырин – тёмная и опасная личность.

– Держись от него подальше, а то, в случае чего, тебе даже сверхспособности не помогут, – предостерег он и наотрез отказался дальше обсуждать эту тему.

В голосе силовика улавливался намёк на нечто иррациональное, не укладывающееся у него в голове, поэтому Тузин не стал выпытывать подробности и смущать человека, привыкшего видеть мир в обыденной, уголовной реальности, рассчитывая разобраться в личности Устина по ходу общения с ним.

Несколько озадаченный, но всё равно окрылённый Аскольд принялся обдумывать различные варианты предстоящей встречи, заранее решив, что пойдёт на любые условия Упырина. Однако он и представить себе не мог, какими причудливыми эти условия окажутся. Устин Лаврентьевич потребовал, чтобы Аскольд поехал в деревню Чудово и добыл «жгучий» камешек, причём не позднее третьего по счёту полнолуния со времени их разговора.

Он вручил ему стальной сосуд, в который надо было положить камень, и подробно рассказал, где и как это можно сделать. Видя недоумение Тузина, засомневавшегося в серьёзности его намерений, Упырин вынул из ящика стола фолиант в тёмном потрескавшемся от времени кожаном переплёте и протянул его Аскольду. Внизу обложки, под латинским названием, отливал золотом заветный знак Всевластия. С нетерпением открыв книгу, Тузин сразу же наткнулся на продолжение главы, которую когда-то нашёл в архиве прадеда. Дрожащими руками, перелистав несколько страниц, он впился глазами в текст.

– Э нет, услуга за услугу, – проговорил Устин, забирая фолиант, – Вы теперь знаете, что книга у меня в наличии имеется, и поверьте, после того как добудете и отдадите мне камешек, она тотчас станет Вашей.

Аскольд с трудом оторвал взгляд от фолианта, оглушённый фразой, выхваченной из текста, а именно: гомункула легче всего создать из человека, лишённого памяти. . . . Но о том, как происходит процесс создания, Тузин прочитать не успел. Не раздумывая, он согласился добыть «камешек», пообещав держать нового знакомого в курсе событий, и вскоре выехал в Чудово. . . .

Вспоминая сейчас тот разговор с Устином, Тузин вновь почувствовал его важность и таинственность, потому что сам факт появления книги, которую искал ещё прадед Аскольда Феофан Кузьмич, завещавший своим потомкам также посвятить свою жизнь её поиску, был невероятным и сверхъестественным. К тому же встреча с Робертом, как нельзя лучше подошедшим на роль гомункула, окончательно убедила Аскольда в успехе предстоящей операции, хотя такое счастливое стечение обстоятельств несколько настораживало.

«Впрочем, – беспечно подумал Тузин, – его прадед наверняка не удивился бы этому, он-то свято верил, что всё в мире предопределено Абсолютом».

Феофан Кузьмич с юности увлекался оккультизмом, магией, алхимией и собрал редчайшие книги, написанные адептами тайных орденов средневековья. Основная часть книг была посвящена поиску философского камня. Но прадеда интересовало не золото, которое якобы можно получить с его помощью, а даруемая избранным власть над людьми и духами. Его привлекали также древние рукописи с описанием опытов, позволявших получить гомункула – человека из плоти и крови, «астральные» и «ментальные» жизненные силы которого заданы его создателем. Однако ни философского камня, ни гомункула он так и не создал, но оставил завещание, в котором был перечень книг, необходимых для достижения этих целей, среди них был и «Трактат».

С завещанием Феофана и содержанием ранее «запретного» шкафа, хранящего собранные прадедом труды и книги, Аскольда в шестнадцать лет познакомил его дед, который с иронией относился к наследию своего отца, а вот Аскольд воспринял изыскания Феофана Кузьмича очень серьёзно и с головой погрузился в таинственный мир малопонятных аллегорий, метафор и символов. С возрастом, проштудировав не только эти книги, но и добытые где только можно труды древних мистиков, Тузин во многом разобрался и постиг сначала азы эзотерики и оккультизма, а затем серьёзно продвинулся в овладении техник гипноза и развития паранормальных способностей. Чтобы применить свои знания на практике, он освоил профессию психотерапевта и начиная с девяностых годов прошлого века стал практиковать коллективные сеансы психотерапии, с некоторого времени пользовавшиеся большим успехом, а поначалу приносившие большие разочарования и неудачи.

Тузин заставил себя забыть о мучениях, испытанных им во время первых выступлений в роли парапсихолога и экстрасенса, и вместо этого вспомнил волнующий, таинственный случай, когда, повинувшись неведомой силе, он однажды опять открыл заветный шкаф и, вынув из него несколько книг, выученных почти наизусть, обнаружил рукопись, которой раньше не замечал. С замиранием сердца он развернул свёрнутые в трубочку листы бумаги и прочитал надпись по-русски: «О способах обретения власти над стихиями и демонами. Знания, при-

шедшие от древности, чтобы даровать силу тому, кто задумал подчинить себе природные стихии, духов и демонов». В тексте подробно описывались четыре стихии и их элементалии, а также множественные виды демонов. На одной из страниц очень искусно был изображён иероглиф, который Аскольд потом обнаружил и на обложке Трактата. Под иероглифом располагалась надпись, поясняющая, что тот символизирует «пятую стихию» – квинтэссенцию Всемогущества – и является основным компонентом в изготовлении амулета, без которого невозможно проведение магических ритуалов, дарующих Власть. На последнем листе были перечислены названия остальных глав «Трактата»; в них, по-видимому, описывался весь процесс подготовки и проведения ритуала. Отдельная глава посвящалась созданию гомункула, который являлся посредником между стихиями и создавшим его хозяином, тем самым защищая этого хозяина от возможных негативных последствий общения с природными стихиями и духами.

Сначала Аскольд лишь подивился неожиданной находке, но затем она завладела всеми его мыслями. Он понял, что ему давался шанс осуществить то, о чём мечтал прадед: добиться возможности управлять не только людьми, но и всеми стихиями мира. Тузин активно занялся поиском «Трактата». Это оказалось очень нелёгким делом, ибо, потратив на изыскания много сил и денег, он узнал лишь то, что впервые «Трактат» упоминался в трудах немецкого врача, называвшего себя Парацельсом, который пытался создать гомункула. Однако никаких подробностей о самом трактате там не сообщалось. Ещё одно упоминание обнаружилось в Государственном областном архиве, в отрывке письма неизвестного автора, где рассказывалось, что в одной из московских масонских лож найден свиток, повествующий о приезде Парацельса в Россию и о том, что немец, боясь преследований у себя на родине, оставил «Трактат» монаху Серафиму. Тут же говорилось, что «братья» масоны предприняли попытку найти книгу, и она им удалась, но вскоре фолиант исчез при загадочных обстоятельствах. Письмо датировалось октябрём 1819 года. Больше, до знакомства с Упыриным, Аскольду ничего найти не удалось, поэтому произошедшая встреча и то, что он держал фолиант в своих руках, произвела на психотерапевта, которого давно уже трудно было чем-нибудь удивить, неизгладимое впечатление. А странная просьба Устина и малоприятное путешествие в деревню, воспринимались Тузиным как испытание, данное ему судьбой для преодоления трудностей, поскольку ничего в мире не даётся просто так.

Аскольд осторожно положил фотографию в чемодан, переоделся в пижаму, погасил свет и улёгся на новую, как и вся мебель в его комнате, двуспальную деревянную кровать. Как обычно, перед сном он прокрутил в памяти события минувшего дня, «просмотрел» характерологические особенности людей, с которыми сегодня познакомился, с удовлетворением отметил, что все они являются для него «открытой книгой», ещё раз порадовался удачному стечению обстоятельств, позволившему ему встретить покорного беспамятного человека – почти готового гомункула.

Единственным неприятным моментом был дневной телефонный разговор с Упыриным, вернее, не допускающий возражения тон, с каким Устин давал «указания» о необходимости как можно больше узнать о Кружилихином Острове и «жгучих» камнях.

«Интересно, почему он сам сюда не приедет и не узнает? Неужели чего-то боится? И почему ему так приспичило завладеть этим булыжником? – задавался Аскольд вопросами, на которые, как ни старался, не мог найти ответов. – Впрочем, это его проблемы, а свои я непременно решу».

Тузин заложил руки за голову и стал мечтать о «Трактате» и о том, как им воспользуется. Неожиданно его сладостные мечты прервал непонятный шорох за спинкой кровати. Тузин заглянул туда и встретился взглядом с мужичком чуть более полуметра ростом, который быстро отвёл глаза, пошлёпал к стулу, легко на него взобрался и воззрился на Аскольда,

а тот, несмотря на то, что никогда раньше домового не видел, сразу же догадался, что это был именно он.

– А ты, я гляжу, не из пугливых, – благодушно пробасил мужичок, – и правильно, я же ничего плохого не замышляю, я просто познакомится пришёл.

«Мне только ещё таких знакомств не хватало!» – недовольно подумал Тузин, но тут же решил, что домовый ему может пригодиться.

Поэтому он вполне доброжелательно представился, ответил на простецкие вопросы гостя, назвавшегося Тишком, а затем, будто невзначай, спросил, бывал ли тот на Кружилихином Острове и чем он интересен.

– У каждого свой интерес, – неопределённо ответил домовый и, вдруг засуматошившись, слез со стула и, сказав: «Прощевай, пока», – зашлёпал к выходу.

Дверь сама собой отворилась и бесшумно закрылась за ним.

«Надеюсь, это энергетическое недоразумение было самой большой неожиданностью, меня здесь ожидающей», – желчно хмыкнул Тузин.

Клинин проснулся за час до завтрака, немного повалялся в постели, вспоминая ночные происшествия и гадая, не приснилась ли ему большая их часть. Так и не приняв окончательного решения, он встал, подошёл к окну, посмотрел на серовато-голубое небо и вдруг осознал, что место тут, в самом деле, аномальное, загадочное и вполне претендующее на сенсацию. Илья почувствовал, как кончики пальцев стали горячими и начали покалывать. Для него это было явным признаком вдохновения и творческого азарта. Он записал в блокнот всё случившееся ночью, уже почти не сомневаясь в реальности произошедшего и жалея, что не поговорил с Тишком. Безусловно, само существование домового вряд ли бы потянуло на сенсацию, но разговор с ним можно было направить в интересное для читателя русло. Перечитав записи, он остался доволен раскованным языком и ироничной интонацией. Весело напевая, Илья побрился, умылся и вышел на веранду с намерением рассказать Рябкиным о ночном госте.

Варвара и Осип во дворе кормили кудахтавших и резво клевавших зерно кур, одновременно разговаривая с Тузиным. Как оказалось, говорили они о Тишке.

– Это хорошо, что вы не испугались, – одобрительно улыбался Осип, – а то некоторые после встречи с ним сразу же вещи собирали и укатывали в город – нервы, видите ли, у них не выдерживали. В городе-то воров, бандитов, коррупционеров всяких их нервы выдерживают! А тут обычный домовый с ними пообщаться захотел – и сразу же переполох. Хотя он же ничего плохого не делает, а если созорничает когда, так для смеху, а не по злобе.

– И сильно ваши домовые озорничают? – в тон ему спросил Аскольд.

– Бывает, – ухмыльнулся Рябкин, – особенно если их бояться или недоброе замышлять.

– Я сегодня ночью струхнул немного, когда Тишка увидел, – признался Илья, спустившись с крыльца и поздоровавшись со всеми, – но теперь очень хочу с ним побеседовать.

– Вот и правильно! – удовлетворённо проговорила Варвара, кидая на землю последнюю горсть зерна. – Тишок любознательный, много чего о жизни знает. Даже мне и то иногда интересно его послушать. К тому же он дом бережёт и живность нашу. Жалко, что теперь из неё у нас только куры, кот и собака остались – раньше корову держали, но нынче это дело хлопотное и дорогое.

Рябкины стали вспоминать, какую раньше держали скотину и как хорошо, когда всё своё, не магазинное.

– А Тишок только ночью появляется или и днём может прийти? – осведомился Илья, прервав воспоминания хозяев.

– Может и днём пожаловать, особенно когда погода пасмурная.

Клинин понимающе кивнул, всё больше привыкая к мыслям, которые ещё вчера казались абсурдными. Он даже на полном серьёзе полюбопытствовал, о чём Тузин говорил с домовым.

– Собственно, ни о чём. Так, несколькими словами перебросились, – нехотя ответил тот и обратился к стоящему поодаль Роберту: – А ты у себя в комнате что-нибудь странное заметил?

– Я спал, – неожиданно резко отчеканил тот.

Тузин посмотрел на него пронзительно-изучающе, но промолчал.

– А тебе как спалось после посещения Тишка? – неожиданно спросил Осип у Клинина. – Ничего интересного не приснилось? У нас тут многие начинают провидческие сны видеть.

– Вроде бы ничего особенного не приснилось....

– Ну ты всё равно имей в виду это обстоятельство, – загадочно проронил Осип и заспешил к зафырчавшему самовару.

Отказавшись от предложения Рябкиных почаёвничать с ними, постояльцы отправились в столовую, где уже собрались все, за исключением четы Дыбиных, но вскоре пришли и они, громко сообщая удивившемуся их появлению Гирину о своём решении позавтракать здесь, так как Фишкин обещал объявить о предстоящих экскурсиях. Санёк и Лёха не удержались и подкололи супругов упоминанием о шести оплаченных путёвках и отдельном рационе для Вики и Кирилла, но Дыбины проигнорировали их язвительные выпады в свой адрес и, как ни в чём не бывало, налегли на омлет со шкварками.

Илья исподтишка наблюдал за пришедшей парочкой и остальными, с нетерпением ожидая, кто же из них первым решится рассказать что-либо интригующее. Но разговоры велись самые обыденные, даже о ночной световой феерии никто не упоминал.

Фишкин, казалось, тоже был удивлён таким явным проявлением безразличия туристов к местным особенностям, но акцентировать на этом внимание не стал и после завтрака огласил намеченные мероприятия, включающие в себя дообеденную экскурсию в «обсерваторию» и послеобеденное посещение ведуньи Маланьи Никитичны. Завхоз предложил всем желающим записаться, объявив, что плата за экскурсию в обсерваторию входит в стоимость путёвки, а посещение ведуньи надо будет оплатить отдельно. Все дружно записались на оба мероприятия, только Вика отказалась от экскурсии в обсерваторию, таким образом желая доказать «альпинистам», что её совершенно не волнуют потерянные деньги. Но на тех бескорыстные Викторины не произвело никакого впечатления; «альпинистов» разочаровала тематика экскурсий: они жаждали отправиться, как обещали в турагентстве, в захватывающее и рискованное путешествие по аномальным зонам, а не к какой-то древней бабке.

– Мы, вообще-то, геофизики и наметили провести довольно много испытаний и экспериментов, для того чтобы понять природу необычных явлений в Чудове, – многозначительно сказал Олег Жуков.

– Да, не хочется тратить время на пустыки, – важно поддакнул Лёха, почему-то покосившись на Инкина.

– Эксперименты – это хорошо, – одобрительно кивнул Степан Васильевич, – но прежде всем придётся немного пообвыкнуть, познакомиться с нашей повседневной жизнью, зато потом такие экстремальные походы устроим, что век не забудете! А для начала и Маланья найдет, чем вас удивить.

Возражать завхозу больше никто не стал, и туристы дружно покинули столовую. Клинин, движимый любопытством и желанием узнать, кто что видел этой ночью необычного, попробовал разговорить Аллу Владимировну и не отходившего от неё, несмотря на идеологические разногласия, Зиновия, но оба недоумённо пожимали плечами и утверждали, что рано легли спать и ничего странного не заметили. Зато альпинисты-геофизики расска-

зали, как вечером, отметив приезд в деревню бутылкой водки, слышали в доме непонятные скрипы, шаги и бормотания, а, проснувшись утром, обнаружили, что их бороды всклокочены и спутаны так, что их с трудом удалось расчесать.

– А Санька и вовсе пришлось обкорнать! – заржал Лёха, показывая на значительно укороченную бороду приятеля. – Нам хозяева объяснили, что это проделки какой-то домовухи Залыбы, но Санёк считает, что это мы с Олегом прикололись.

Подшучивая друг над другом, геофизики вспомнили прежние «приколы», но Клинину было не до шуток. Он отошёл от развеселившейся компании, подсел к Татьяне и Лизавете, которые о чём-то секретничали в беседке рядом с гостиницей, и заговорщицким тоном, предполагавшим каверзу и подвох, рассказал о посетившем его ночью Тишке. Татьяна нервно хихикнула, спросив, не перебрал ли он вчера чего лишнего, а вот Лизавета восприняла его слова с полной серьёзностью. Более того, она впервые внимательно на него посмотрела, и Клинин обнаружил, что глаза у неё цвета искристого тёмного янтаря.

– Ты, правда, веришь в домовых? – пытливо спросила она.

Илья интуитивно понял, что ему просто необходимо ответить утвердительно.

– После того как увидел Тишка, глупо было бы не верить, к тому же хозяева дома совершенно спокойно относятся к его существованию.

– Наша горничная тоже говорила, что в деревне водятся домовые, но в гостинице их вроде бы нет, потому что она недавно построена, – в некотором замешательстве сообщила Татьяна и добавила, глядя на Китину: – Не знаю, но мне от этих рассказов про местных духов как-то не по себе, а ты не боишься?

– Меня напугать трудно, – ответила Лизавета уверенно, – да и мои предки из этих мест. Я бабушке давно обещала побывать в Чудове, о котором наша семья знает много разных легенд. И не только о домовых.

– Расскажи! – загорелся Илья.

– А какой смысл? Всё равно не поверите. Если честно, я и сама им не очень доверяю. Но хочу проверить, а вдруг это не выдумки.

– Тогда давай вместе проверим, – предложил Клинин, мало рассчитывая на согласие Лизаветы, но та неожиданно благосклонно отнеслась к его предложению и сказала, что если он не передумает принять участие в этом рискованном и авантюрном деле, то она будет рада такой компании.

– Может, и мне с вами? – задумчиво сказала Татьяна. – Я с геофизиками в каких только авантюрных походах не участвовала!

– Сначала со своими проблемами разберись, – немного снисходительно ответила Китина, как бы намекая на известные им обоим обстоятельства.

У Лизаветы явно улучшилось настроение. Илью это порадовало, потому что, судя по всему, намечался не только увлекательный поход по местам, фигурирующим в семейных легендах, но и замаячил флирт с классной девчонкой.

Находясь в отличном расположении духа, он вместе с новыми подружками отправился на первую экскурсию в обсерваторию, располагавшуюся на самом берегу Кружилихи в кирпичном цилиндрическом строении, крышей которому служил обшитый листами оцинкованной стали купол с раздвигающимися створками. Это замысловатое здание выглядело достаточно внушительно, хотя впечатление немного смазывалось от вида обычной деревянной избы, соединённой с обсерваторией бревенчатым сарайчиком-коридором, посередине которого находилась узкая невысокая дверь. Именно у неё их и встретил хозяин дома и обсерватории Ерофей Семёнович Северов – человек лет пятидесяти, среднего роста, с посеребрёнными сединой висками, высоким лбом и усталым мудрым взглядом. Он поздоровался с туристами и провёл их вверх по винтовой лестнице в помещение диаметром около пяти метров. В его центре размещался явно самодельный телескоп. Покупной, похоже, была только

труба. Монтировка, опора и установленные на ней непонятного назначения приспособления были выполнены кустарным способом и выглядели архаично и курьёзно.

Особенно позабавил Илью такой же, как в душевой комнате у Рябкиных, «пароходный штурвал». Ерофей с натугой крутанул его. Вверху заскрежетало, заскрипело, гроыхнуло. Купол медленно и плавно начал поворачиваться, а створки – раздвигаться, открывая для обзора значительный участок неба и расстилающуюся до горизонта деревенскую округу. Всех сразу же впечатлил Кружилихин Остров с его разноликой местностью: у самого берега равнинной и песчаной, а дальше бугристой, густо заросшей травой и кустарником. Хорошо просматривались несколько холмов, поляны и небольшие рощицы, где деревья изгибались ещё причудливее, чем в деревне, и, казалось, росли вширь, а не ввысь. В середине острова виднелась возвышенность с пологими склонами, тонущая в колышущейся туманной дымке.

Илья вспомнил про светящуюся пирамиду и рассказал о ней Ерофею. Тот подтвердил, что это явление действительно наблюдается по ночам и служит здешним жителям бесплатной иллюминацией. Однако природу свечения учёные объяснить не могут. У деревенских же есть свои предположения на этот счёт, но они, по большей части, сказочные, основанные на местных преданиях.

– А я согласна с предположениями некоторых эзотериков, что это портал, соединяющий Землю с параллельными мирами, – с обычным чувством превосходства над остальными туристами проговорила Алла Владимировна, всматриваясь вдаль.

– Может и «портал», – загадочно сказал Фишкин, – только выяснить это ещё ни одному человеку не удалось.

– Да, островок-то видимо непростой! – замороженно протянул Санёк.

– Остров как остров, мы и поинтересней места видели, – возразил Лёха, глядя в бинокль, взятый у Фишкина напрокат, – помнишь, на Алтае аномальщина даже в воздухе ощущалась, а здесь природа вполне понятная, объяснимая.

– Объяснимая говорите, – усмехнулся Ерофей Семёнович, – а вы вон туда посмотрите.

Он настроил телескоп и предложил посмотреть в окуляр.

– Е-твоеё, это что за муть? – удивлённо выдохнул Лёха.

– Почему муть, телескоп хорошо работает.

– Да я не о телескопе. Кто это там?

– Шипуны – островные охранники, – спокойно пояснил Ерофей.

– А можно мне взглянуть? – нетерпеливо попросил Клинин и, прильнув к окуляру, увидел призрачные странные фигуры, медленно скользившие над одним из холмов.

Услышав слово «охранники», Дыбин, до этого безучастно стоявший у стены рядом с таким же безучастным Робертом, отстранил Илью и приник к телескопу.

– И правда, муть какая-то, – проворчал он, поспешно отпрянув от окуляра.

Оставшиеся туристы выстроились в очередь, чтобы посмотреть на островное диво. Понаблюдав за «охранниками», мужчины молча отходили в сторону, озадаченные увиденным, а женщины эмоционально переговаривались, ойкали и недоумённо посматривали на Ерофея, ожидая более подробных объяснений. Инкин свысока наблюдал за суетой у телескопа, но, не выдержав, заглянул в окуляр и тут же заявил, что это всего лишь оптический обман, вызванный атмосферными явлениями и несовершенством линз. Но его предположения звучали слишком неубедительно, и туристы захотели послушать Ерофея.

– Этого словами не объяснишь, – категорично пресёк расспросы любознательных туристов завхоз, – вот когда пойдём на Остров, вы сами всё увидите, а пока экскурсию заканчиваем, потому как в «обсерватории» самое интересное – за ночным небом наблюдать, что мы и сделаем, вернувшись сюда через пару дней.

В некотором смятении туристы спустились с лестницы и, распрощавшись с Северовым и Фишкиным, сгрудились на берегу Кружилихи, стараясь рассмотреть в бинокли ещё что-нибудь необычное.

– Обман это всё, дешёвые фокусы, – гнул свою линию Инкин, – простое оболванивание доверчивых граждан.

– Это вы, Зиновий Яковлевич, самообманом занимаетесь и не хотите замечать очевидного, – раздосадованно фыркнула Алла Владимировна.

– Да, первый раз встречаю человека с такими ретроградскими представлениями об окружающем мире, – пренебрежительно произнёс Тузин.

Инкин, не отреагировавший на замечание Сумец, от слов Аскольда буквально взвился и начал обвинять его в шарлатанстве, сектантстве и некомпетентности.

– Ты же обещал вылечить Роберта и вернуть ему память, и что, где результат?! – выкрикнул он напоследок.

– Результат есть, – холодно парировал Аскольд.

Он приказал Роберту говорить, и тот скупыми словами, отчего рассказ казался ещё более трагичным, поведал о том, как его ограбили и избили. Этот незатейливый монолог произвёл впечатление на всех, даже на Инкина, который всё же продолжал утверждать, что Тузину не удастся восстановить полностью память подопечного и возится он с ним только ради рекламы. Теперь уже Аскольд вспылил и так посмотрел на оппонента, что у того сильно закололо сердце и участился пульс. Не на шутку перепугавшись, Зиновий присел на землю и положил под язык лекарство. Алла Владимировна окинула Тузина ненавидящим взглядом и принялась страстно шептать нечто вроде заговора и производить над головой Инкина пассы руками. Как ни странно, на него это вскоре подействовало, профессор самостоятельно поднялся и в сопровождении Сумец двинулся к гостинице. За ними потянулись и остальные.

Только Аскольд, может быть, для того чтобы не усугублять инцидент, попросил Илью присмотреть за Робертом, а сам вернулся к дому Ерофея.

Северов был явно озадачен возвращением Тузина и его просьбой рассказать подробнее о Кружилихином Острове и «жгучем» камне. Видя недоумение «звездочёта», Аскольд объяснил, что он по профессии психотерапевт, имеющий экстрасенсорные способности, и его очень интересуют энергии различного происхождения.

– Совершенно случайно я недавно узнал, что здесь есть место, где находятся «жгучие» камни, обладающие энергетикой, способной давать людям небывалую силу, здоровье и благополучие, – говорил Аскольд, не спуская с Ерофея гипнотического взора, – меня очень заинтересовал этот феномен и ради него я приехал в Чудово. Хотелось бы поговорить о нём с умным человеком, лишённым предрассудков и суеверий. Поэтому я решил обратиться к Вам.

– Но я сам никогда таких камней не видел, их природу и свойства толком не знаю, слышал о них только домыслы и местные байки, – растерянно пробормотал Ерофей, безуспешно пытаясь отвести взгляд от лица Тузина.

– Расскажите мне всё, что слышали! – требовательно произнёс экстрасенс.

– Говорят, что такой камень действительно существует, но за последние двести с лишним лет добыть его удалось лишь деревенскому колдуну, которого заставил это сделать помещик, в те времена владевший Чудовом.

Северов замолчал, снова пытаясь уклониться от пронзительного взгляда экстрасенса.

– Дальше! – властно потребовал Тузин.

– Я не знаю, рассказывать ли об этом помещике?

– Да!

– Он по характеру был совсем не похож на своих предков, довольно образованных людей, увлекающихся гуманистическими и самыми современными идеями того времени, –

монотонно, почти как Роберт, говорил «звездочёт», – а, наоборот, отличался жестокостью, самодурством и хитростью недалёкого человека. Барин тот получал удовольствие, когда измывался над дворовыми людьми и когда наблюдал, как издевается над ними его жена, которая была ему подстать. Они оба упивались своей властью и безнаказанностью, с каждым днём становясь всё безжалостнее и беспощаднее.

Тузин недовольно поморщился и потребовал говорить по существу.

Неожиданно Ерофей, почувствовав себя свободнее, возразил, что без этих подробностей нельзя понять дальнейший ход событий.

– А что касается энергетики, – вспомнил он слова экстрасенса, – видно, из-за негатива, царившего в доме, там возникли злые сущности – лярвы. Надеюсь, Вам не надо объяснять их природу.

Тузин нетерпеливо кивнул.

– Так вот, эти сущности, «пиявки», как называли их в доме, вскоре набрали силу и начали всячески вредить не только дворне, но и хозяевам усадьбы. Сами собой в их комнатах летали вещи, произвольно перемещалась мебель, день и ночь раздавались стуки, от которых у помещика всё чаще случались сердечные приступы, да и у помещицы резко ухудшилось самочувствие. Что только они не делали, кого только не приглашали, чтобы избавиться от этой напасти – ничего не помогало. Тогда помещик позвал деревенского колдуна и, смерив гордыню, попросил у него совета и помощи. Колдун долго ходил по дому прислушивался, принохивался, осматривал закоулки, затем закрыл глаза и сообщил, что видит разного размера извивающихся «пиявок», словно сотканных из дыма. Они находятся во всех комнатах и во дворе дома. Но самое страшное то, что, собираясь в стаю, «пиявки» присасываются к помещику и его жене, для того чтобы выпить их «жизненные силы». Правда, есть способы от них избавиться, но уничтожение «пиявок» потребует времени, а главное здоровья, а его-то у хозяев дома и нет. Помещик стал упрашивать колдуна помочь восстановить здоровье и вернуть утраченную «жизненную силу», но тот решительно ответил, что это может сделать только «жгучий» камень, если во время полнолуния пойти с ним к Бездонному Озеру. Хозяин был наслышан о чудо-камне с Кружилихина Острова, он уже когда-то посылал за ним своих людей, да безрезультатно. Шипуны надёжно охраняли остров.

– Можно без былинности и многословия, а конкретнее и подробнее о шипунах, – досадливо перебил Тузин.

– Без «былинности» пересказывать предания тяжело, – возразил Ерофей, – а о шипунах ничего конкретного сказать не могу, кроме того, что, на мой взгляд, они сущности не нашего мира, охраняющие подступы к Дурман-месту, расположенному в центре Острова и отгороженному от Сторожевых Холмов кольцом из жгучих камней.

– Так они Дурман-место или жгучие камни охраняют?

– И то, и другое, по крайней мере, шипуны не дают людям эти камни уносить с Острова.

– Каким образом?

– Говорят, что того, кто пытается взять хоть один камешек, они пронзают обжигающим лучом, похожим на молнию.

– Но, судя по легенде, кому-то всё же удалось добыть камень, значит, от луча можно защититься?

– Вот про способы защиты от шипунов здесь, к счастью, никому доподлинно неизвестно, а иначе бы все жгучие камни давно растащили на сувениры. А они наверняка выполняют какую-то важную функцию.

– Какую?

– Не знаю.

Как ни старался Аскольд вытянуть из Северова ещё какую-нибудь информацию о жгучих камнях и охранниках острова, это ему не удалось. Тогда он велел Ерофею рассказывать дальше.

– В общем, пообещал помещик колдуну большие деньги и вольную в обмен на «жгучий» камень, и, как гласит молва, спустя некоторое время тот, обессиленный и еле волочивший ноги от усталости, принёс его в железном кувшине. Обрадовался барин, расплатился с ним щедро, но вольную оформлять не спешил, дожидаясь полнолуния.

– И что дальше?

– Дальше предание утверждает, что когда барин в полнолуние пошёл к Бездонному Озеру с кувшином, то одна из «пиявок» влезла в сосуд, а у самого озера вылезла, разбухая прямо на глазах, забирая всю «живительную силу» у камня. Говорят, после этого она обрела невероятные возможности, с помощью которых учинила в усадьбе жуткий разгром, чем довела помещика до инфаркта и быстрой смерти, а затем и по всей округе безобразничать стала: деревья валила, дома сжигала, на скотину мор наводила. Тут уж даже наши домашние и лесные духи не выдержали, объединились и выдворили эту бесчинницу за пределы Чудова. Вот, в сущности, и вся известная мне история о «жгучем» камне. Что в ней правда, а что вымысел, не мне судить. Сами решайте, – сумрачно сказал Ерофей.

– Да, фольклор, похоже, в ваших местах всегда отличался буйством фантазии и минимумом правдивости, – пренебрежительно заметил Аскольд, – к сожалению, для меня он не представляет никакого интереса. Я практик, и мне нужны достоверные факты и подлинная информация.

– Сожалею, что не смог Вам помочь, – сухо проговорил Ерофей, давая понять, что хочет закончить разговор.

Неожиданно Тузин сменил тон на почти сердечный и доверительный, рассыпался в благодарностях за интересный разговор, извинился за резкость, объяснив её усталостью от чрезмерной загруженности работой. Затем, пригласив Северова в гости, любезно попрощался.

«Нет уж, к экстрасенсам я не ходок, – закрывая за Аскольдом дверь, насмешливо подумал Ерофей, – мне и здешних феноменов достаточно».

Возвратившись к себе после разговора со «звездочётом», Тузин закрылся в номере, лихорадочно обдумывая полученную информацию. Выходило, что далеко не простое и не шуточное дело поручил ему Упырин в обмен на книгу. Аскольд в какой-то момент даже решил отказаться от попыток добыть камень, но вдруг вспомнил о Роберте и удивился, как сразу не догадался использовать его в качестве главного исполнителя задания Устина. У Тузина моментально созрел план дальнейших действий, первым пунктом которого стало намеченное Фишкиным посещение Маланьи. Он хотел подробнее расспросить ведунью о свойствах «жгучих» камней и способах их добычи, потому что самому Аскольду, несмотря на огромные усилия воли и применение самых мощных эзотерических практик, никак не удавалось узнать о них что-либо стоящее. И вообще, в этой деревне у него не получалось многое из того, что он умел. Аскольд объяснял это повышенным фоном природных энергий, мешающих в полной мере проявиться его способностям, но он верил, что скоро обуздает все энергии и подчинит себе любых духов Земли....

В назначенное время Тузин вместе с остальными отправился на экскурсию к ведунье, по дороге он постарался сгладить неприятное впечатление, оставшееся у многих туристов после его ссоры с Ннкиным. Некоторым усилием воли он погасил негативный биоэнергетический фон, шедший от Зиновия, до такой степени, что Инкин, почувствовав себя виноватым, подошёл и извинился за свои слова, сказанные у «обсерватории». Аскольд, конечно же, его учтиво выслушал и тоже извинился. Мир был восстановлен, а это было на руку Тузину, которому сейчас совершенно не нужны были конфликтные ситуации, способные отвлечь

его от важных дел. С удовлетворением отметив легкость, с какой ему удалось погасить конфликт, Тузин вновь обрёл уверенность в себе и своих силах. Ходко прошагав всю дорогу, он первым оказался у дома Маланьи. Старуха стояла у калитки, опираясь на клюку, и, загоразживая ладонью глаза от послеобеденного солнца, наблюдала за гостями.

– А ты зачем пришёл? – шепелявя беззубым ртом, ворчливо спросила она у Тузина. – Чай, лучше меня можешь людей насквозь видеть и о будущем больше меня знаешь!

– Посоветоваться пришёл, Маланья Никитична, – сделав вид, что не заметил недовольства старухи, заискивающе проговорил Аскольд.

– Я в твоих делах не советчик, – ещё суровее молвила старуха, – не моего ума это дело. Одно скажу: вот с этим, – она указала на подошедшего Роберта, – не связывайся. Долг у тебя перед ним непомерный, и, если он о нём вспомнит, плохо вам обоим придётся.

– Я совсем недавно встретился с Робертом и ничего ему не должен. . . , – мысленно кляня сумасшедшую бабку, начал Аскольд.

Но Маланья демонстративно от него отвернулась и обратилась к шумной компании геофизиков:

– А вы чего расшумелись? Здешние места страсть как шума не любят, особенно если пьяные галдят. Видать, мало вам Залыба бороды-то попутала – всё одно не угомонились.

Троица геофизиков онемела от неожиданного бабкиного напора и упоминания Залыбы.

– Маланья Никитична, ты чего разбушевалась? – остановил ведунью Фишкин. – Люди пришли на запланированную экскурсию, деньги заплатили, если тебе сегодня нездоровится – так и скажи, мы в следующий раз придём.

– У меня со здоровьем всё в порядке! – строптиво ответила старуха, но уже не так воинственно добавила: – Ладно, коли деньги заплачены, проходите по одному во двор, там заговоренный пенёк находится, с его помощью я вам о будущем поведаю, но только если неприятное сообщу, то не обессудьте!

Никто из туристов не откликнулся на её предложение пройти во двор, и только Инкин возмущённо пробормотал: «Сколько можно эту ахинею терпеть. Полный идиотизм!»

– А у тебя ума палата, только счастья нет. Жена-то у дочки предпочитает жить, а не с тобой, – ехидно прошамкала Маланья.

– Что, бабка в точку попала? – смеясь, хлопнул по плечу окаменевшего Зиновия Гирина. – Давай-ка и я испытаю судьбу – узнаю, что было, что будет, чем сердце успокоится.

Охранник безбоязненно прошёл в открытую калитку. Маланья поковыляла за ним, крикнув, чтобы он садился на пенёк, стоящий недалеко от тропинки. Сквозь изгородь было хорошо видно, как Игорь, скептически ухмыляясь, уселся на пенёк, скорее всего, оставшийся от древнего дуба. Выступающие из земли змеевидные корни делали его похожим на распластавшегося осьминога, поджидавшего свою добычу. Маланья, кряхтя и охая, примостилась рядом с Гириным и, время от времени прикасаясь руками к пенёчку, что-то степенно стала говорить. Судя по тому, как быстро сползла ухмылка с лица охранника, бабка и на этот раз «попала в точку».

– Ну и Маланья – всю правду чешет: и про то, почему я развёлся, и про то, как в милиции служил и почему из неё уволился, – возвратившись, озадаченно сообщил Гирин, – даже о будущем кое-что рассказала, но поживем, увидим. . . . А пока она следующего велела позвать.

– Пожалуй, я тоже схожу, посмотрю на эту достопримечательность, – иронично молвила Алла Владимировна и величественно вступила на территорию двора.

Когда она вышла от ведуньи, то была совершенно на себя не похожа: растеряна, смущена и озадачена.

– Кирилл, я не хочу идти к этой старухе, – глядя на неё, боязливо заныла Виктория.

– Я и сам не пойду, устроили тут цирк, – негодуя буркнул Дыбин, бросив хмурый взгляд на завхоза.

Он взял жену под руку, и пара как-то слишком поспешно удалилась. За ними ушли Зиновий с Аллой Владимировной и геофизики, за которыми нехотя последовала Татьяна. В раздумье постояв у калитки, ушёл и Тузин, уводя за собой Роберта.

– Никитична, ты зачем мне экскурсию сорвала? – огорчённо спросил Фишкин у вышедшей из калитки Маланьи.

– А я виновата, если они правду слушать не хотят? – сварливо ответила та. – Да и мне самой тяжело было с ними якшаться – силу супротивную от некоторых чую.

– Ишь, придумала отмазку, – покачал головой Степан Васильевич и обратился к Илье и Лизавете: – А вы что приуныли, неужели тоже боитесь правду услышать?

– Нет, я бы очень хотел побеседовать с Маланьей Никитичной, – стараясь перебороть внезапно возникший мандраж, вежливо сказал Клинин, – только меня больше интересует её дар и способность к ясновидению, чем возможность узнать своё будущее.

– Я интервью не даю, – недовольно прошамкала Маланья, – мне ваша газетная братия надоела хуже горькой редьки!

– Ну, молодёжь, похоже, сегодня Никитична не в духе, первый раз её такой вижу, придётся с ней воспитательную работу провести, – полушутя, полусерьёзно изрёк завхоз, неодобрительно поглядывая на ведунью, – надеюсь, в следующий раз она приветливой будет. А сейчас идите в столовую – время ужинать.

Илье, честно говоря, не слишком хотелось, чтобы его кроме Тузина ещё и столетняя бабка «просканировала», поэтому он не медля увлёк Лизавету от дома старухи и попытался разговорить. Приятной неожиданностью для него стало многообразие тем, которые можно было с ней обсудить, поскольку он уже начинал скучать без общения с людьми, понимающими его с полуслова. Разговоры с оказавшейся остроумной и схватывающей на лету любую его мысль девчонкой настолько захватили Клинина, что он совершенно забыл про ужин. А когда они, наконец, подошли к столовой, то там уже никого не было, кроме Гирина, с аппетитом доедавшего творожную запеканку, и официантки, первой сплетницы в деревне – Лукерья Леонидовны Плетнёвой, которую в Чудове за глаза называли Сплетнёвой. Она осуждающе-укоризненным взглядом выказала опоздавшим своё неудовольствие, но всё же прикатила тележку с ужином. Демонстративно гремя посудой и бурча нечто похожее на «понаехали тут», Лукерья расставила тарелки и, упершись руками в бока, стояла рядом до тех пор, пока они не вышли из-за стола. Настроение у Клинина и Лизаветы от цепкого, изучающего взгляда Плетнёвой резко испортилось, и они вместо того, чтобы, как планировали раньше, пойти по местам семейных легенд Китиной, разошлись по домам.

У веранды дома Рябкиных Илью встретила хозяйка и заговорщицки сообщила:

– Аскольд Михайлович в своём номере Роберта лечит. Чего-то говорит, как приказывает. Хорошо бы получилось парню память вернуть, а то жалко на него смотреть. Такой красавец – и ни бе ни ме.... А ты, если хочешь, иди в горницу, нам газеты свежие почтальон привёз, можешь их с Осипом почитать. Он любит с кем-нибудь новости обсудить и о политике посудачить, я то в гости к Маланье собралась, наверное, поздно приду.

Илья, подивившись тому, что Рябкина на ночь глядя решила идти в гости к неприветливой ведунье, отправился к Осипу. В «горнице» на столе лежала кипа свежей прессы, по большей части районной. Клинин с профессиональным любопытством углубился в одну из них, которую Осип охарактеризовал как самую свободомыслеющую, освещающую злободневные темы. Газета называлась «Куролесовская правда» и, действительно, довольно раскованно писала о неприглядных делах, творимых чиновниками разного уровня, но Илью больше всего заинтересовала рубрика «Что новенького в мире чудес?». В ней рассказывалось о том, как жители деревни Здоровьино стали свидетелями необычного явления. Ранним утром там начали ощущаться подземные толчки и гул, похожий на раскаты грома, затем над Островом Тишины взметнулся столб синеватого пламени, по окрестностям Здоровьино

пронёсся скоротечный вихрь, и всё стихло. Старожилы утверждают, что такие явления там иногда наблюдаются, но раньше на них никто не обращал внимания. А обитателей здоровьинских особняков случившееся сильно обеспокоило, и они для получения разъяснений о напугавшем их происшествии направили запросы во все инстанции, вплоть до Академии наук. Перечитав заметку несколько раз, Илья спросил Рябкина, что тот о ней думает.

– А что тут думать, – протирая очки фланелевой тряпочкой, философски ответил Осип, – по здешним меркам такое явление – вещь довольно обыденная. Вот сам Остров Тишины вопросы вызывает. Ведь он так называется, потому что на нём никаких звуков не слышно. Уже когда к нему подплываешь, гложуть начинаешь, а на нём, будто тебя колпаком накрыли, – тишина! И дольше пяти минут там находиться нельзя – всё тело болеть начинает.

– Зачем же тогда местная элита рядом с островом коттеджи строила?

– Так в Здравьине никаких неприятных ощущений не наблюдается, наоборот, у его жителей всегда отменное самочувствие было. Поэтому богачи и позарились на эти места, а про то, что там иногда земля трясётся и гудит, видно, не знали.

Клинин хотел продолжить расспросы, но в комнату вошли Аскольд с Робертом. Тузин сказал, что ему необходимо отлучиться, и на время своего отсутствия попросил присмотреть за пациентом. Как только психотерапевт вышел, Роберт сел на стул рядом с печкой, положил руки на колени и устался в пол. Он выглядел каким-то чересчур уставшим и потерянным. Посмотрев на него, Осип и Клинин сочувственно замолчали. Зато с лежанки послышалось громкое, тревожное мяуканье. Клубок, спрыгнув с печки, остановился невдалеке от Роберта и, пригнувшись, стал неотрывно смотреть на незнакомца. Удивлённо фыркнув несколько раз, кот начал нервно ходить по комнате, стараясь заглянуть в опущенные глаза Роберта. Наконец Клубок остановился у его ног, мяукнул, как крикнул, и прыгнул на колени гостя. Подопечный Аскольда вздрогнул и перевёл невидящий взгляд на блаженно замурлыкавшего котяру. На лице Роберта сначала появился испуг, а затем нечто похожее на любопытство. Страх всё же пересилил, он попытался согнать кота, но не тут-то было. Клубок намертво вцепился в рубашку и протестующе завопил. Роберт в замешательстве смотрел на него, словно пытаясь что-то вспомнить, и вдруг погладил своей большой ладонью пушистую кошачью спину. Клубок замурлыкал так громко, что заглушил удивлённый возглас Осипа, никогда ранее не видевшего такого явного расположения своенравного питомца к кому-либо.

– Ты гляди-ка, что вытворяет, – показывая на кота, изумился Рябкин, – он же никому, кроме Варвары, в руки не даётся, вот диво-то! А ты говоришь, чудес не бывает.

– Да я так не говорил, – ответил Илья, немного ревниво наблюдая, как Клубок, без всякого угощения, дружелюбно льнёт к Роберту.

Осипа тоже слегка обидело поведение кота, но, чтобы не показать этого, он вернулся к обсуждению заметки о событии в Здравьине, хотя ничего нового не сказал, разве что предположил желание автора приукрасить незначительный инцидент. Илья, в свою очередь, вспомнил, как они вчера, проезжая мимо Здравьино на автобусе, не заметили ничего необычного, кроме роскошных построек.

– Ну, значит, очередная газетная утка, – категорично заключил Рябкин и стал спрашивать Илью, почему в газетах так много вранья.

Отшутившись, Клинин сказал, что не может отвечать за всю отечественную прессу, а он и его газета уток не разводят. Осип неожиданно запальчиво продолжал настаивать на том, что теперь нет ни одной газеты и журнала, пишущих правду. Из щекотливой ситуации Илье помог выйти возвратившийся Тузин, который, увидев Клубка на руках Роберта, изумился, пожалуй, больше, чем Рябкин, к тому же, судя по побелевшим губам и холодному блеску глаз, почему-то страшно разозлился.

– Пошли к себе, – резко приказал он, и, взяв кота за шкурку, с силой швырнул его на пол.

Клубок оторопел от такого грубого обращения, а когда опомнился, было поздно – Аскольд с Робертом скрылись за дверью. Угрожающе зашипев, кот царапнул когтями по двери, пытаясь её открыть, но та была плотно закрыта. Не обращая внимания на участливые взгляды Ильи и Осипа, которым было искренне жаль Клубка, так несправедливо обиженного экстрасенсом, кот понуро поплёлся к печке, тяжело запрыгнул на лежанку и затих.

– Эх, бедолага, такое унижение ему первый раз в жизни довелось испытать, мы с ним, как с человеком, обращаемся. Надо будет сказать Аскольду, пусть он больше такого себе не позволяет, – огорчённо проговорил Рябкин.

Илья на всякий случай, предупредил Осипа, что с Тузиным лучше не связываться, так как тот, похоже, может не только вылечить, но и покалечить. Его слова почему-то вернули Рябкину воинственное расположение духа, и он боевито изрёк:

– Пусть только попробует, тут не город, беспредельщиков быстро на место ставят. Одни только наши домовые могут любому кузькину мать показать!

Увидев, как Илья поёжился после упоминания о домовых, Осип Потапович благодушно заулыбался:

– Да ты не бойся, тебя, я точно знаю, – никто не тронет.

– Я и не боюсь.

– И правильно делаешь, если сегодня ночью Тишок опять наведается – не дрейфь. Лучше расспроси его как непосредственного участника и очевидца деревенских аномалий. Только будь настороже – он приврать любит.

– Постараюсь расспросить, – неопределённо сказал Клинин и пожелал Осипу спокойной ночи.

Удивляясь тому, как скоро он привык к мысли о существовании фантастических особей, ещё совсем недавно казавшихся абсолютной выдумкой, Илья стоял у окна своего номера, ожидая, когда стемнеет и начнётся световое представление, но небо заволкли плотные облака, и, кроме отсветов «иллюминации», доходивших сюда с Острова, ничего зрелищного не наблюдалось. Тогда он чуть ли не с нетерпением стал ждать появления домового, но тот не появлялся, несмотря на то что «колокольчики» уже оповестили о наступлении полуночи. В коридоре, правда, изредка раздавались какие-то подозрительные шорохи и стуки, но в комнате было тихо. Клинин не отважился выйти в коридор и посмотреть, что там происходит. Он решил смоделировать ситуацию прошлой ночи: выключил свет, задвинул занавески и улёгся в кровать.

У него уже начали слипаться веки, когда совсем близко послышались шлёпающие звуки. Илья приподнял голову и огляделся.

– Что, соскучился? – услышал он знакомый басок и, присмотревшись, обнаружил силуэт вчерашнего мужичка у себя в ногах.

Клинин сел на край громко скрипнувшей кровати и, поражаясь своему панибратскому тону, сказал:

– Ты чего так далеко уселся, иди поближе.

– Можно и поближе, – охотно согласился Тишок и зашлёпал к стулу, стоявшему напротив Ильи.

Они некоторое время молчали, как бы приглядываясь друг к другу. Пробившийся сквозь облака лунный свет проник в комнату и осветил добродушное лицо домового, обрамлённое пушистыми, взлохмаченными волосами.

– А я тебя совсем заждался, думал, не придёшь, – сказал Илья, которого эта абсурдная ситуация уже начинала занимать.

– Да пришлось со Страшком повозиться, он тоже хотел с тобой познакомиться, но я его в комнату экстрасенса направил, пусть там безобразничает.

У Клинина сразу же возникло несколько вопросов: откуда Тишок знает, что Тузин экстрасенс, знает ли он вообще, что такое экстрасенс и почему он «направил» Страшка к нему безобразничать?

– Эка невидаль – экстрасенсы! Нам про них давно известно, – словно прочитав мысли Ильи, ответил домовый. Правда, этот Аскольд странный какой-то, но тот, кто с ним всё время ходит – ещё страннее.

– Ты имеешь в виду Роберта? – на всякий случай уточнил Клинин, одновременно удивляясь необычному началу разговора и тому, что домовый не только способен читать мысли, но и в курсе многих событий, происходящих за стенами дома.

– Может, он и Роберт, только не человек.

– А кто?

– Надо подумать.... – почесал за ухом Тишок и замолчал. – Нет, – очень скоро разочарованно проговорил он, – ничего не думается. Но точно тебе скажу – энергетика у него какая-то не человеческая.

– Роберт просто память потерял, у людей такое встречается.

– Может, у людей и встречается, – загадочно протянул домовый.

Клинин предположил, что с изменением психики может очень сильно измениться и энергетика.

– Причём тут психика? – махнул рукой Тишок. – Вам, людям, этого не понять, вы не чувствуете основу миропостроения.

– И что же это за основа?

– Эх, милоч, словами такого не объяснишь. Надо видеть и чувствовать, – многозначительно сообщил домовый и неожиданно заключил, – но ты, вроде бы, стараешься принимать действительность такой, какая она есть, а не закрываться от неё одеялом, поэтому у тебя есть вероятность познать невидимое.

– Да ты философ!

– Э, нет, философ у нас Иракий из рода ведателей, он кроме информационно-чувственных сгустков энергии биологического и космического происхождения обладает энергией, почерпнутой из множества книг, поэтому гораздо больше обычного домового знает. Да ты, если захочешь, можешь и сам с ним познакомиться, он тут недалеко, во флигеле бывшей помещицкой усадьбы, обитает.

– Как-нибудь потом, мне сначала к тебе и твоей учёности привыкнуть надо.

– В общем-то, правильно. Слишком много впечатлений паранормального свойства могут на нервную систему плохо подействовать, – важно заметил домовый, лишний раз показывая свою «учённость».

– Послушай, а откуда такие умные...., – Илья запнулся, но всё же продолжил, – существа, как ты, берутся, можешь объяснить?

– Почему же не объяснить, – широко улыбнулся Тишок, – правда, домовые университетов не заканчивают и научными знаниями не владеют. Но если рассказывать, как нам видится и понимается суть вопроса, применяя некоторые представления, почерпнутые у людей, сюда приезжающих, то выходит, что рождаемся мы в домах, где живёт не одно поколение семей. Там возникают чувственно-информационные энергии, которые друг с другом соединяются, образуя сгустки, обладающие силой и сознанием, иногда достаточными для проявления себя в этом мире, но не имеющими необходимой разумности. Оттого поначалу мы глупостей много вытворяем, как дети малые, однако постепенно учимся, познаём мир человеческий и тонкоматериальный. Определяемся, кто к какому роду принадлежит (всего у домовых девять родов), определившись, получаем внешний облик, в котором можем показываться людям. Так что выходит – у нас содержание форму определяет.... Развиваемся

дальше. Знаем, что если не развиваться и не учиться, то опять превратимся в неразумные энергетические сгустки и распадемся на бесчувственное вещество.

– Это как?

– А очень просто. Вон у соседа нашего домовый раньше жил, вроде, нормального рода, нашего, тихонского, но только много дурости от хозяина дома набрался, который к спиртному пристрастился. И домовый тоже энергетикой водки и самогона подпитываться приспособился, говорил, кураж от них появляется и настроение улучшается. Ну и «докуражился». Сначала всю куролесил: в чужие дома вваливался, безобразничал там, беспокойства людям доставлял, а потом, силы подрастеряв, стал, как тварь неразумная, предметами кидаться да стучать. Мы пытались его образумить, уговаривать, но куда там, в кураже разве что стоящее умыслишь. Вот и пропал бедолага. Исчез, будто никогда и не было. Да и хозяин ненадолго на этом свете задержался. Так что жизнь наша зависит от людей, с которыми мы живём, а вернее, от их энергетики. Теперь понимаешь?

– Не очень, – честно признался Илья, недоверчиво присматриваясь к Тишку, уже явственно различимому в забрезжившем рассвете, и, не выдержав, воскликнул: – Нет, ну не может домовый так говорить!

– Конечно, ты так часто с домовыми общался, что знаешь, о чём они могут говорить, а о чём нет, – прыснул Тишок.

Но вдруг посерьёзnel, услышав грозный, раздражённый голос Аскольда, и обеспокоенно сказал:

– Страшок, видать, переборщил со своими проказами, разозлил экстрасенса, как бы чего худого с ним не случилось.

– С кем, с экстрасенсом или со Страшком?

– Со Страшком, – вздохнул домовый, прислушиваясь, – он же у нас ещё совсем глупый, родившийся из энергетики страхов и трусости постояльцев, которым наша жизнь непривычна и неведома. А трусость – вещь дрянная, никому добра не приносящая. Из неё всё что угодно родиться может. У нас вот Страшок родился – в кладовке прижился. Сначала хозяев донимал очень, но мы его всем домом воспитывали, информационно-энергетическую суть меняли. Кое-что получилось, но он ещё слишком слаб, чтобы противостоять нехорошему влиянию или разрушающей силе негативного воздействия. Вот так, – ещё тяжелее вздохнул Тишок, – люди бездумно плодят разных мыслящих сущностей, а им потом мыкайся, ищи себе подпитку от тех же людей, на плохие дела и мысли их толкающих. Порочный круг получается! Ты бы написал в газете, чтобы люди поменьше производили на свет негативных эмоций, а то возникают всякие мерзостные существа и им же самим жизнь портят, – глубокомысленно произнёс он и вопросительно посмотрел на Илью.

Клинину постепенно становилось всё больше не по себе от странных речей домового, так буднично рассуждавшего о вещах, не укладывающихся в человеческом сознании. Поэтому он не стал спрашивать, как появился на свет сам Тишок, но не смог оставить без ответа его просьбу.

– Написать то можно, но вряд ли наша газета станет это публиковать, – сконфуженно сказал он, – боюсь, в ней вообще не напечатают ничего из того, что я напишу.

– Ты не расстраивайся, здесь столько всего для вас, людей, диковинного есть, наверняка, что-нибудь интересное найдёшь, – ободрил Клинина домовый, – завтра вот пойдёте на Кружилихин Остров, там на каждом шагу – загадки. А про негативные энергии, видать, бесполезно писать, я уже не одному журналисту о них докладывал и просил людей предостеречь. Некоторые писали, потом мне даже напечатанное показывали, да что толку? Никто на это внимания не обращает, – горестно сказал Тишок и, снова прислушавшись, пробормотал:

– Пойду, погляжу, как там Страшок. Заодно и с экстрасенсом побеседую, разговор у меня к нему есть, а ты давай на боковую, надо выспаться перед экскурсией.

– Ладно, выплюсь ещё, – не слишком уверенно ответил Клинин, чтобы не обидеть домового, но того уже не было в комнате.

Илья снова лёг, однако быстро заснуть не получилось.

«Как хорошо, что мама и бабуля не знают, с кем мне здесь приходится общаться, – думал он, глядя на колышущиеся от ветра занавески, – а вот Никите, пожалуй, можно рассказать... А если всё же попробовать написать репортаж о здешних домовых, включая рассказ Тишка об истории их рождения?»

Клинин перебрал в голове несколько заголовков к такой истории и остановился на «Тишок из рода Тихонов». Он вспомнил и о Страшке – таинственной сущности, произошедшей от энергии человеческих страхов, решил упомянуть и о нём, но, представив реакцию Сагиняна, благоразумно решил отказаться от этой затеи. Илья стал думать, о каких деревенских чудесах можно было бы написать, не вызывая насмешку или даже негодование у главного редактора. Чтобы лучше сосредоточиться, он закрыл глаза и вдруг увидел «номер» Аскольда, его самого, сидевшего в кресле, и как всегда примостившегося на краешке стула Тишка.

– Послушай, господин хороший, – сказал домовый, и Илье показалось, что тот волнуется, – ты на Страшка не обижайся, это я виноват – послал его к тебе, чтобы в нём энергия озорства угомонила. Думал, она при такой силе, как твоя, угаснет. А он, гляди, что натворил: водой в тебя плесканул, ботинки в окно вышвырнул...

– Ничего, посидит в графине – угомонится, – зло усмехнулся психотерапевт, кивнув на графин, в котором булькала и пузырилась вода.

– Выпусти его, будь добр, он больше тебе досаждать не будет, я обещаю, – сокрушённо разводя руками, взмолился домовый.

– Бери графин и сам выпускай, только не в моей комнате.

Тишок обрадованно закивал, слез со стула, взял графин, собрался было уйти, но остановился и осторожно спросил:

– А не скажешь ли, подопечный твой, который в беспамятстве находится, он кто?

– Тебе-то какое дело? – процедил сквозь зубы Аскольд.

– Так, просто среди нашего домового сословия слухи разные ходят.

– Не лезьте не в своё дело, а ты вообще здесь больше не появляйся, а то...

– А то что?

– Вот что, – прорычал Тузин, резким движением поднял руку и направил ладонь в сторону домового.

Тишок схватился за бок и застонал, как будто от сильного удара.

– Понял, с кем имеешь дело? Уноси ноги, пока цел!

– Дар сильный имеешь, да душу – слабую, – охая, проронил домовый и исчез вместе с графином.

Глава 4

На следующее утро плохо выспавшийся Илья, так и не решив, что ему ночью приснилось, а что произошло на самом деле, заглянул к Рябкиным и спросил, всё ли в порядке с Тишком.

– А что ему делается? – громко ответил Осип, но тут же, понизив голос, сказал: – Ушёл он вместе со Страшком в сарай жить, обидел их чем-то Аскольд, но чем, они не признаются.

Клинину очень хотелось пересказать Рябкину события прошедшей ночи, но что-то его остановило, и вместо этого он рассказал о вчерашней экскурсии и о виденных в телескоп шипунах.

– Это Фишкин вас для «затравки» в обсерваторию сводил, – усмехнулся Осип, – чтобы выявить слаонервных и тех, кто реальности Кружилихина Острова принять не сможет. А шипуны сами по себе ничуть не страшнее домовых. Конечно, природа их возникновения загадочная, ставящая науку в тупик, но нам они не мешают и мы им тоже.

Больше Рябкин распространяться об Острове и шипунах не стал, а предложил Илье почаёвничать на веранде. Время до завтрака ещё было, и Клинин согласился составить Осипу компанию. Пили чай они вдвоём, так как Варвара с самого утра уехала по каким-то своим делам.

– Последнее время больно часто отлучаться стала, – посетовал Рябкин, – а без неё тяжело, одну только живность накормить – умаешься.

Тут Илья почему-то вспомнил о Клубке и его вчерашнем странном поведении. Кот, лёгок на помине, вышел на веранду, лениво потянулся, вытянув передние лапы, и, спустившись с крыльца, направился в сторону собачьей будки с важным, независимым видом, не допуская ни малейших сомнений в том, что вчерашний неприятный инцидент с Тузиным – всего лишь нелепая случайность, никаким образом не отразившаяся на высокой самооценке Клубка. Проследив за ним взглядом, Осип сочувственно проговорил: «Переживает, но виду не показывает. Гордый он у нас, характерный!» Поговорив о своенравном и независимом характере кота, Рябкин обратил внимание Ильи на то, что в деревне маловато живности, объяснив это здешними особенностями.

– Перелётные птицы вообще в наши края не заглядывают, – сообщил он, – а уж если кто случаем окажется над деревней, то начинает в панике кружить на одном месте, не находя пути, как отсюда выбраться. А когда нужное направление всё же обнаруживают, то стрелой летят подальше отсюда. Учёные говорят: тут электромагнитные поля неправильные. Вот, пожалуйста, тебе материал для газеты! – неожиданно обрадовался Рябкин.

– Можно написать при случае, – согласился Илья и смолк, так как на веранду вышли Аскольд и Роберт.

Аскольд был не в духе и даже не поздоровался, только чуть заметно кивнул головой. Роберт, как обычно, имел безучастный вид, но Варвара его приучила здороваться, и он старательно выговорил приветствие и даже, как показалось Клинину, улыбнулся, но, скорее всего, не Илье и Осипу, а Клубку, вальяжно разлёгшемуся у лап Шарика.

– Вот послала судьба постояльцев, – задумчиво изрёк Рябкин, после того как Тузин и его пациент вышли за калитку, – один с приветом, а другой с вывихом! Хорошо, хоть с тобой поговорить можно.

– Да, Аскольд Михайлович человек непростой, – дипломатично сказал Клинин и, не желая развивать эту щекотливую тему, заторопился уходить, чтобы не опоздать к завтраку, после которого намечалась экскурсия на Кружилихин Остров.

На экскурсию записались все, кроме четы Дыбиных и Роберта, которого Тузин отказался брать на такое экстремальное мероприятие, якобы, опасаясь за его психику. Завхоз

подтвердил, что предстоящий поход требует крепких нервов и самообладания, он попросил ещё раз подумать всем, а особенно женщинам, идти или нет на Остров. Однако никто не отказался. Тогда Фишкин предупредил, чтобы все переобулись в спортивную обувь или, по крайней мере, туфли без каблуков. Напомнив о необходимости захватить с собой галоши и плазмодувы, он порекомендовал одеться теплее, потому как день выдался нежарким... Лизавета, пошушукавшись с Татьяной, спросила, нужно ли брать с собой обереги. Степан Васильевич ответил, что они в любом случае не помешают.

Через полчаса туристы, оснащённые необходимым «инвентарём», стояли на обрывистом берегу Кружилихи, мутноватые воды которой бурлили на середине реки, а у берега мелкой волной бились о скалистый склон. Фишкин подвёл туристов к самому краю обрыва и пригласил спуститься по крутой лестнице к ветхому сооружению, служащему причалом для необычного парома, имеющего очертания рыбы камбалы. На хвосте «рыбы» была установлена катушка с намотанной на ней якорной цепью. Посередине почти круглой центральной части находилось огороженное досками возвышение с навесом над скамейками для пассажиров, штурвалом и парой рычагов. Нос занятного сооружения был выполнен из металла и имел форму выпуклого треугольника. На пароме рядом с возвышением стояли два мужика и с любопытством наблюдали, как туристы, спустившись с лестницы, опасно ступают на разошедшиеся доски причала и неуклюже прыгают с него на корму.

Когда все экскурсанты благополучно преодолели нелёгкий для городских жителей путь и разместились вокруг возвышения, один из мужиков, которого другой называл «командиром», важно объяснил, что их судно имеет необычную конструкцию, позволяющую передвигаться при минимальных усилиях паромщиков. Конструкция эта была разработана Семёном Северовым для преодоления непредсказуемо возникающего иногда в середине реки бурного вихревого движения воды, которое может вдрызг разбить суда любой другой формы и конструкции. Сообщив это, «командир», ширококостный плотный человек с выпирающим из-под тельняшки пивным брюшком, пригласил всех сесть на скамейки, а сам подошёл к штурвалу и повернул его сначала в одну, а потом в противоположную сторону. Его напарник надавил на длинные плечи рычагов. Катушка на корме завертелась, загремела якорная цепь, из воды показался сильно поржавевший «адмиралтейский» якорь. Одновременно лопасти, установленные по бокам центральной части судна, завращались, снизу послышалось негромкое постукивание, вокруг парома заколыхались волны сложной конфигурации, и он медленно, толчками двинулся к противоположному берегу. За время движения туристы узнали, что паромщика с брюшком зовут Борисом, а его напарника, худощавого, юркого, наголо бритого парня, – Григорием и что работа у них не пыльная, но нервная, так как река часто чудит, и к тому же «чего только на этом Острове не насмотришься!»

Рассказывать, чего они тут насмотрелись, невзирая на настойчивые просьбы геофизиков и Клинина, паромщики не стали, сославшись на «запрет от начальства».

– Если кому будет нужно, сам всё увидит, – как всегда категорично прервал поток вопросов Фишкин.

И, чтобы сгладить свою категоричность, тоном экскурсовода попросил туристов обратить внимание на интересный феномен: чем дальше плыл паром, тем дальше отодвигался противоположный берег реки. В самом деле, казавшийся раньше довольно близким берег Острова теперь как будто отодвинулся на значительное расстояние и продолжал удаляться, а берег, от которого они отчалили, почти не был виден.

– Ничего себе фортель! – то ли восхищённо, то ли испуганно воскликнул Лёха, недоумённо переглядываясь с Олегом и Саньком.

– А это не временная ловушка? – обеспокоенно поинтересовалась Алла Владимировна. – Мы не попадём в параллельный мир или в зону безвременья?

– Вам-то какая разница? – буркнул Аскольд. – Разве, находясь в астрале, Вы там не были?

Сумец пронзила психотерапевта взглядом разъярённой тигрицы, но, презрительно усмехнувшись, смолчала.

– Ой, мамочки, у меня голова закружилась, когда же мы приплывём? – запричитала Татьяна, ухватившись за руку Олега, как за спасительную соломинку.

Самого же Олега больше всего волновала сохранность колб и бутылочек в рюкзаке, который он положил на колени и бережно придерживал при усилении качки.

– Зачем я ввязался в эту историю? – с отчаяньем пробормотал Зиновий, судорожно вцепившись в край скамьи.

– Не волнуйтесь, как только переплывём середину реки, всё образуется, – попытался успокоить пассажиров Степан Васильевич.

Но его слова не возымели действия на туристов, то и дело тревожно оглядывающихся по сторонам. Только когда они преодолели самый трудный участок реки, где вода бурлила и дыбилась огромными пузырями, все с облегчением увидели, что паром находится недалеко от Острова и движется к пирсу. Пока судно разворачивалось, чтобы причалить, пассажиры под руководством Фишкина натянули на свою обувь «защитные галоши» и, после того как был спущен якорь, радостно покинули паром, очутившись на широкой песчаной полоске, за которой начиналась бугристая, поросшая кустарником местность.

– Теперь вы понимаете, почему я не хочу заранее рассказывать о наших странностях, – назидательно произнёс Фишкин, после того как некоторые из туристов, в том числе и Клинин, со смехом поделились страхами, испытанными при переправе. – Не покажи я на удаляющиеся берега, никто бы и внимания на них не обратил, и волнений не было бы.

– Так мы же сюда и приехали, чтобы на здешние странности посмотреть, – возразил Санёк.

– Оно конечно, только практика показывает, что заранее лучше ничего не рассказывать, поскольку сначала многие ничему не верят, а когда видят своими глазами, пугаются пуще тех, кто не в курсе дела. Поэтому мы стараемся не форсировать события. А вы запомните – главное, ни при каких обстоятельствах не паниковать, прислушиваться к моим советам и понимать, что маршруты наших экскурсий разработаны давно, много раз пройдены, и пройдены без каких-либо серьёзных происшествий.

– Вы сами, Степан Васильевич, обстановку нагнетаете, – запальчиво заявил изрядно переволновавшийся Инкин, – вместо того чтобы объяснить природу явления, которая наверняка Вам известна, занимаетесь мифотворчеством и мистическими измышлениями. Понятно, что на этом турбаза деньги зарабатывает, но надо же знать меру!

– Зиновий Яковлевич, если бы нам была известна природа здешних аномалий, мы с радостью сообщали бы о ней туристам и больше дивидендов с этого имели бы, так как любопытных людей значительно больше, чем рискованных.

– Это пустые отговорки, – досадливо отмахнулся Инкин.

– Может, мы оставим дискуссии и пойдём осматривать остров? – нетерпеливо предложил Тузин.

– И правда, давайте сначала посмотрим на достопримечательности Острова, а потом будем делать выводы об их природе, – сказала Алла Владимировна, укоризненно посмотрев на Зиновия.

Тот под её взглядом сник и надолго замолк.

Туристы во главе с Фишкиным и Григорием, примкнувшим к ним «так, на всякий случай», отправились в путешествие, которое оказалось не из простых. Вначале пришлось пройти через полосу мелких камней с острыми, словно отточенными краями – тут-то и при-

годились галоши; затем с большим трудом группа преодолела подъём и оказалась на холме, за которым расстилалась дубовая роща.

– Я вспомнил, этот холм называется Желудёвым, а роща внизу – Рощей огненных шаров, – поделился своими познаниями, почерпнутыми из карты, Клинин.

– Правильно, – одобрительно подтвердил Степан Васильевич, – а рядом ещё два холма располагаются. Вон тот, что слева, прозвали Шишкиным холмом, а справа – Медовым.

– А где Сторожевые, или Шипу нов ские, холмы? – любопытствовал Тузин.

– Это прямо по курсу, – охотно доложил Григорий, – сначала надо рощу преодолеть, а за ней сразу Сторожевые холмы начинаются.

– А Кольцо жгучих камней далеко? – продолжил расспрашивать Аскольд.

– Ну, там нам делать нечего, – решительно сказал, как отрезал, Фишкин, – тут и без камней есть, на что посмотреть и от чего адреналин получить. Для начала в Рощу огненных шаров спустимся, а там видно будет, – закончил он уже не так категорично.

Туристы, скользя по траве и мелким камням, спустились со склона холма и очутились среди вековых дубов с необхватными стволами и густыми, с переплетёнными ветвями, кронами. Промежутки между деревьями были усыпаны валунами, как будто вдавленными в землю, однако тропинка, по которой шла группа, была расчищена от камней, и идти по ней было легко. В роще не наблюдалось ни птиц, ни бабочек, ни насекомых.

– Васильич, гляди, штиль-то какой, не иначе дождь намечается, – предположил Григорий.

– Похоже на то, – согласился Фишкин, – давайте-ка мы переждём непогоду вон под тем дубом.

Он показал рукой на огромное дерево и пошёл к нему. Все двинулись следом, хотя никто не понимал, о каком дожде может идти речь в солнечный безоблачный день. Но не успели они разместиться под могучей, растущей вширь кроной, как с моментально потемневшего неба обильным потоком хлынула вода, а рядом с рощей ударили три голубоватые извилистые молнии.

– Но стоять под деревьями в грозу опасно! – заволновался Инкин.

– Эта гроза не опасная, вот сейчас огненные шары появятся, их надо будет остерегаться. Так что смотрите по сторонам и доставайте плазмодувы, будем обороняться. Помните, как я вас учил: машем «веерами» от себя и производим ими вращательные движения, желательно, не касаясь шаров.

Дождь постепенно стихал, молнии больше не сверкали, но вокруг вспыхивали мельчайшие искры, от которых становилось немного жутковато.

– Ой, смотрите, вон там! – закричала Татьяна, показывая на колышущееся в нескольких метрах от кроны дуба шарообразное свечение величиной с большой апельсин.

– И там тоже! – показывая в другую сторону, завопил Гириин и изо всех сил замахал плазмодувом.

– Значит, делаем так, – спокойно сказал Фишкин, – становимся вокруг ствола и отгоняем шары, если они будут приближаться. Давайте потренируемся.

Завхоз показал, как надо отгонять шары, туристы повторили его движения и немного успокоились. Шары тем временем покружились на месте, словно поджидая, когда к ним приблизятся ещё несколько «апельсинов», и потихоньку начали приближаться к людям, которые, приняв круговую оборону, дружно замахали «веерами». Воздух, наполнившись гулом, издаваемым плазмодувами, казалось, стал плотнее и вязче, а вокруг «вееров» начал светиться. Шары остановились, и создавалось впечатление, что они приглядываются к людям.

– И долго ещё это будет продолжаться? – задыхаясь то ли от страха, то ли от усталости, прокричал Зиновий, не переставая энергично вращать плазмодувом.

Обстановка накалялась в прямом и переносном смысле. Татьяна затынула своё: «Ой, мамочки!» Гирин вспомнил не один «блин», Алла Владимировна тревожно проговаривала какие-то «магические» слова. Илья крепился и старался не показывать, как ему страшно, хотя очень хотелось заорать во всё горло и кинуться наутёк. Но шары окружили их со всех сторон, и бежать было некуда.

– Ничего, ничего, сейчас они поймут, что с нами связываться не стоит, и рассосутся, – пояснил Григорий.

– Точно, скоро улетят, – бодро подтвердил завхоз, – только не прекращайте вращение.

Все с удвоенной силой принялись размахивать «веерами», и шары, словно наткнувшись на непреодолимую преграду, замерли, а затем потихоньку начали отступать, пока совсем не исчезли за стволами деревьев. Дождь прекратился, искры исчезли, подул лёгкий ветерок, листья дубов зашелестели, возвращая ландшафту природную обыденность. Тут уж туристы дали волю своим чувствам, выплеснув накопившиеся эмоции в ликующих криках «Ура!» и бурном обмене впечатлениями. Затем геофизики дружно бросились к рюкзаку, быстро вынули колбы, баночки, мешочки, коробочки и стали наполнять их пробами воды и почвы.

– Ну и как тебе экскурсия? – откидывая капюшон лёгкой куртки, спросила Лизавета у Клинина.

– Я думал, эти твари от нас просто так не отстанут! – радуясь удачно отбитой атаке, весело ответил Илья. – Но, похоже, не такие уж они агрессивные и страшные, да и плазмодувы нормально сработали.

– А ты не хочешь написать об этом нашем приключении?

– Можно, конечно, но для газеты эти шары вряд ли представляют интерес: аналогичные случаи давным-давно описаны.

– Ты тогда о Гадай-Камне напиши, – встрял в их разговор Григорий, – о нём мало где написано. Я всем журналистам, кто сюда приезжает, о его свойствах рассказываю, а они боятся писать, говорят, что нет убедительных доказательств этих свойств. Прикинь, у нас всей области известно, что Камень правильно предсказывает: исполнится ли загаданное желание или нет. На сотнях людей это проверено. Какие им ещё доказательства нужны? – возмущённо вопрошал паромщику Клинина, которому ничего не оставалось делать, как поинтересоваться, где находится Гадай-Камень.

– К нему мы потом сходим, а на сегодня впечатлений и так достаточно. У нас впереди ещё много времени. Всё увидите. Главное, теперь кое-какие представления о наших аномалиях имеете и, надеюсь, поняли, что если меня слушаться, то ничего плохого не случится. А сейчас давайте возвращаться к парому.

– Но позвольте, – запротестовал Тузин, – мы же должны были дойти до Сторожевых Холмов и посмотреть на шипунов.

– Ничего мы никому не должны! – заартачился Зиновий. – Тебе нужно, ты и иди. Мне лично совсем не интересно гоняться за не существующими в природе фантомами.

– Я не собираюсь ни за кем гоняться, – нахмурился Аскольд, – в мои планы входит исследование энергетики «жгучих» камней...

Тузин повторил версию относительно причин своего интереса к «жгучему» камню, изложенную накануне звездочёту.

– Вообще-то непосредственно к Кольцу жгучих камней на турбазе экскурсий не предусмотрено, там находится опасно, и сами камни представляют большую опасность для человека, – замялся Фишкин, не решаясь под гипнотическим взглядом психотерапевта категорично ему отказать в посещении Кольца.

– А я пару раз водил туда людей и ничего, все целые и невредимые вернулись, – сказал Григорий, многозначительно посмотрев на Тузина.

Даже и не экстрасенс понял бы, что паромщик намекает на хорошее вознаграждение. Аскольда, видимо, это вполне устраивало, он что-то тихо ответил Григорию и больше не настаивал на продолжении экскурсии. Туристы возвратились к реке, благополучно переправились на другой берег и, переполненные впечатлениями, разбрелись группками по деревне. Но Аскольд не пошёл вместе со всеми, а остался в компании паромщиков.

«Наверняка договаривается, чтобы его провели к Кольцу», – подумал Клинин, с интересом наблюдая за заговорщицки дискутирующей троицей.

Он и сам был не прочь отправиться на Остров вместе с Тузиным, но Степан Васильевич ещё утром предупредил, что завтра в деревню приезжает автобус с «дикарями», который на обратном пути захватит всех желающих отлучиться по делам в столицу. Поэтому Илья решил подготовить кое-какой материал о первых днях своего пребывания в деревне и отвезти его в редакцию.

Вообще-то он собирался ехать в редакцию дней через пять, но оказалось, что добраться из Чудова до вокзала не так-то просто, поскольку таксисты сюда ездили очень неохотно, а следующего автобуса надо было ждать больше недели. К тому же подобралась хорошая компания: Олег Жуков с Лёхой тоже решили ехать, чтобы отдать в лабораторию на исследование собранные пробы местной воды и почвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.